

БРЮС КЭМЕРОН

Хозяин
собаки

Выдающийся роман
от автора мирового бестселлера «Жизнь и цель собаки».

New York Times

Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы

Брюс Кэмерон
Хозяин собаки

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кэмерон Б.

Хозяин собаки / Б. Кэмерон — «Эксмо», 2015 — (Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы)

ISBN 978-5-699-93501-7

Брюс Кэмерон замахнулся на поистине сложную вещь – показать процесс одомашнивания волка. И ему, надо признать, это удалось: книга «Хозяин собаки» способна не только поразить воображение, но и тронуть душу. Эпоха палеолита – страшное и жестокое время, и Мор, изгнанный из сурового племени охотников, знает об этом не понаслышке. Он с трудом находит убежище, чтобы согреться и выжить, и обнаруживает в нем раненую волчицу с волчатами. Так у человека, обреченного на смерть, появляется друг – собака. Теперь Морю предстоит обучить ее премудростям охоты. А тем временем старое племя идет по его следу, а значит, он и его собака в опасности.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-93501-7

© Кэмерон Б., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Книга первая	10
1	10
2	13
3	16
4	20
5	24
6	29
7	33
8	36
9	40
10	44
11	48
12	52
13	56
14	60
15	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Брюс Кэмерон Хозяин собаки

W. Bruce Cameron
The Dog MASTER

© Красовская Я., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Ровно в девять утра охранники в форме разом захлопнули все входные двери, и по лекционной аудитории пронеслось эхо. Охранники удовлетворенно ухмылялись: по большому счету их обязанности по поддержанию порядка ограничивались тем, чтобы терпеть непоседливых студентов, а потому ежегодный ритуал запираания дверей дарил им мимолетное ощущение победы над хаосом.

Грохот захлопнувшихся дверей оборвал разговоры, и притихшие студенты, рассеявшиеся на расположенных уступах скамьях, с любопытством вытянули шеи в сторону выхода. В тот же миг в запертые железные двери отчаянно забарабанили, но вскоре громохание смолкло: охранники, дежурившие в коридоре, разъярили опоздавшим, что лекция уже началась, и попросили покинуть помещение.

Первая лекция для первокурсников, первый день первого семестра. Опоздавших не пускали.

Добро пожаловать в университет.

Профессор Джеймс К. Морби – за глаза его называли «Морби-гробовщик», ошибочно полагая, что он об этом не знает, – вышел из тени и быстрым шагом направился к кафедре. На нем был синий костюм с иголочки, белоснежная рубашка и туго затянутый галстук. Этот наряд профессор носил в течение всей первой недели первого семестра, после чего возвращался к привычным для него джинсам и бейсболке. И строгий костюм, и аккуратно приглаженные волосы, и гладко выбритые округлые щеки, и суровый взгляд карих глаз – все служило определенной цели. На хорошо отрепетированный спектакль для вчерашних школьников, которых предстояло преобразить в студентов университета, Морби отводил три лекции в течение первой недели.

– Вас рассадил в определенном порядке, чтобы я мог обращаться к вам по имени, – сказал он в микрофон и выдержал паузу.

Первокурсники в смущении переглянулись и принялись спешно пересаживаться. Кто ж знал, что план рассадки – не шутка?

Морби заметил пустующий ряд и взглянул на экран ноутбука.

– Таким образом, если мне понадобится мистер Брош... Мистер Брош? Кевин Брош? Вы здесь? Похоже, что нет. Но если бы вы были здесь, я бы знал, куда смотреть, чтобы обратиться к вам.

Морби помолчал и мысленно представил себе лицо Кевина Броша, которому сообщили, что профессор вызывал его во время лекции. Мистер Брош больше не пропустит ни одного занятия.

Аудитория притихла, переваривая его слова. Морби знал, что первокурсники, вовремя явившиеся на лекцию – кто в силу чувства ответственности, а кто и просто случайно, – сейчас втайне гордятся собой. Ничего, вскоре их самодовольство улетучится.

Почти весь уик-энд свежее испеченные первокурсники осваивались в новой обстановке, а в воскресенье вечером, когда родители со слезами на глазах простились и уехали, они окончательно распробовали вкус свободы и упивались ею до самого утра. Сонными глазами, мутными от похмелья и недосыпания, взирали они на Морби. Позади ночь кутежа и распутства. Еще бы, ведь высшее образование уже практически у них в кармане.

Морби предстояло выбить это ошибочное представление из юных голов. Он читал единственную потоковую лекцию для всех первокурсников и единственный из всех преподавателей брал с места в карьер, пока остальные надиктовывали списки литературы в ожидании, когда Морби-гробовщик сделает свое дело.

– Итак, к следующему занятию прочесть первые пять глав по теме «верхний палеолит». – Десятки страниц, в школе и на неделю столько не задавали! – Контрольная работа в среду. В пятницу сдать рефераты.

Детки были умненькие, иначе они бы тут не сидели. Но слушать курс Морби по ранним представителям рода Номо было все равно что прыгать с вышки в бассейн, не умея плавать. В среду утром перед головоломной контрольной работой они придут в отчаяние, а к вечеру запаникуют из-за оценок. Ученый до мозга костей, Морби десять лет отслеживал результаты первой контрольной работы и гордился отрезвляющими итогами: семьдесят пять процентов учащихся пролетят, как фанера над Парижем, двадцать – с трудом наскребут на «троечку», и с пяток счастливых чудесным образом напишут на «четверку».

За всю историю курса никто ни разу не написал первую контрольную на «пять». Да и сам Морби сомневался, что осилил бы эти каверзные вопросы.

Обливаясь холодным потом при мысли, как сообщить родителям, что их вытурили из университета, первокурсники засядут за рефераты с пылом новообращенных. В среду и четверг пьяных студентов в студгородке будет на порядок меньше.

– К вопросу о рефератах. Долгое время считалось, что ранние Номо вели мирное существование, не вступая в конфликты с другими представителями своего рода. Однако за последние годы сформировалась альтернативная точка зрения, согласно которой доисторический человек обладал не менее жестоким и воинственным нравом, чем наши с вами современники. – Морби оглядел аудиторию: подавляющее большинство студентов погрузились в состояние глубокой летаргии. – Объем реферата – две с половиной тысячи слов. Приведите аргументы в поддержку одной из двух точек зрения: какими были наши предки – мирными или воинственными? Не важно, какую теорию вы решите отстаивать. Главное, будьте последовательны, цитируйте надежные источники и ни в коем случае не списывайте.

Несмотря на последние слова и на предостережение об уголовной ответственности за плагиат, жирным шрифтом выведенное на форзаце учебников, Морби знал, что в следующий понедельник как минимум двум из десяти студентов, получившим обратно красные от исправлений рефераты, будет грозить испытательный срок. Воспитанные в традициях «скопировать и вставить», эти ребята искренне не понимали, что значит «нарушение интеллектуальной собственности».

Публичное обвинение в плагиате считалось большим унижением, однако благодаря чувству благоговейного ужаса, которое вселяла в первокурсников эта перспектива, проблема списывания в университете, где преподавал Морби, стояла не так остро, как в других, менее взыскательных вузах.

К концу семестра упоминание об испытательном сроке будет стерто из личных дел, а отвратительные оценки за первый реферат сгладятся на фоне огромного количества последующих рефератов и проверочных работ, составленных с академической, а не воспитательной целью.

– Итак. Последнее крупное оледенение, начавшееся около тридцати тысяч лет назад, – на экране позади Морби вспыхнул слайд с изображением карты восточного полушария, –

без сомнения, наиболее драматичный период в истории нашего вида. Нынешние изменения климата ничто в сравнении с тогдашними перепадами температур! На смену умеренному климату приходило время, когда лед не таял даже в летние месяцы. Надвигающиеся ледники сокращали площадь лесов, что вынудило наших предков выйти на открытые равнины, где они охотились и нередко сами служили добычей.

На экране появился новый слайд: изображение гигантского, размером с медведя, пещерного льва, готового к прыжку. Хищник напоминал африканского льва, но был весь покрыт косматой серой шерстью.

– Посмотрите, какая громадина! Судя по найденным скелетам животных того периода, это были настоящие чудовища в сравнении с современными представителями своих видов. Нашим предкам не только приходилось драться за добычу с такими свирепыми хищниками, как львы, волки и медведи, но и удирать от них. Неудивительно, что средняя продолжительность жизни была крайне мала – тридцать-тридцать три года. Многие не доживали до вашего возраста.

Мало-помалу студенты включались в работу.

– Еще нам приходилось тягаться вот с этим товарищем. – На экране возникло изображение неандертальского человека. – Присмотритесь хорошенько. Ростом не выше нашего, зато куда мощней, сильней, с более развитым мозгом. И тем не менее мировое господство оказалось в наших руках, хотя по всем признакам доминировать должны были бы потомки неандертальцев. Почему мы вырвались вперед? Перефразируя Фолкнера, что помогло нам выстоять и победить?

Морби, поставив любимый слайд, со знающей улыбкой обернулся, ища глазами своего ассистента, Томми. Однако место Томми пустовало. Улыбка Морби дрогнула. Странно, что Томми сегодня нет. Профессор пожал плечами и взглянул на слайд – красочную фотографию с изображением недавно обнаруженных наскальных рисунков, принадлежащих к ориньякской культуре. В неразберихе линий, оставленных поколениями художников, проступали очертания лосей, оленей и разъяренных львов, смешавшихся в дикой погоне друг за другом. Посреди этого хаоса выделялся главный, центральный рисунок: изображение человека, по всей видимости, державшего в руках поводок, ведущий к ошейнику красного цвета на шее огромного представителя семейства собачьих. Прирученного волка.

– На этот счет у меня есть собственные теории, – продолжил Морби с благоговейным трепетом в голосе.

Здесь они с Томми, как правило, снова заговорщицки переглядывались, а студенты, опустив глаза на обложку учебника, в изумлении вскидывали брови, заметив фамилию и инициалы Морби.

Теперь им придется читать учебник от корки до корки, ведь экзамен будет принимать сам автор. Им придется сосредоточиться и вникать в смысл написанного, отчего многие всей душой возненавидят предмет и, встретив в тексте упоминания о теории Морби, той самой, на которой зиждется его научная карьера, не придадут ей должного значения.

– У нас нет письменных источников о том времени, когда на долю человечества выпали суровые испытания. Мы лишь можем строить предположения на основании ограниченных палеонтологических данных. Разве мы отыскивали останки представителей всех видов, обитавших в то время на суше и на море? Вряд ли. Можем ли мы описать, каким был ландшафт до того, как измениться под влиянием ледников? Нет. Одно мы можем сказать с уверенностью: люди, населявшие землю в то время, не отличались от нас. Их мозг не отличался от нашего. Да, ростом они были ниже, и продолжительность жизни у них была меньше нашей, однако нет оснований полагать, будто они не могли общаться между собой. У них просто не было языковых символов, по крайней мере таких, которые сохранились бы до

наших дней. Когда будете читать о том, как жили доисторические люди, помните: мы – их прямые потомки.

В этот момент случилось небывалое: входные двери распахнулись, и в аудиторию, как шериф с ордером на обыск, ворвался Томми. Не обращая внимания на обалдевших первокурсников, привставших из-за столов, чтобы получше рассмотреть, кто так бесцеремонно прервал занятие, Томми решительно зашагал по проходу. Глаза у него горели.

У Морби перехватило дыхание, сердце бешено заколотилось. Томми прочел вопрос в его лице и радостно закивал, в два прыжка преодолев ступеньки, ведущие на сцену. Оказавшись у кафедры, Томми закрыл рукой микрофон. По аудитории пробежал шепоток.

– Я только что говорил с Бошаном, – начал Томми с плохо скрываемым торжеством в голосе.

– Ее нашли, – шепнул Морби, и холодок пробежал у него по спине.

Томми радостно закивал.

– Да. Нашли, – подтвердил он.

Наставник и последователь молча уставились друг на друга, изумленные новостью. Вспомнив о лекции, Морби медленно повернулся к слушателям. Томми убрал руку с микрофона.

– Дамы и господа, это мистер Рукер, мой ассистент. Он продолжит лекцию и в течение следующих двух недель будет вести занятия. У меня появилось неотложное дело. Мне нужно успеть на самолет.

* * *

Через семьдесят два часа Морби склонился над раскопанным участком. Земляной пласт был убран, являя взгляду скрытые под ним сокровища. Рядом с Морби стоял Бернар Бошан, его давний приятель и соратник, и студент Бошана, выпускник по имени Жан-Клод. Перед ними лежал мужской скелет вида *Homo sapiens*, тщательно очищенный аккуратными движениями кисточек. Кости прекрасно сохранились – редчайшая находка! Должно быть, много тысяч лет назад этого человека погребли с большим почетом и любовью.

Однако самым удивительным было то, что покоилось рядом с человеческими останками: огромный волчий скелет, размерами превосходящий любого из волков, виденных Морби. Позже углеродный анализ подтвердит догадку профессора: человек и волк были погребены вместе.

Морби плакал, как младенец. Бошан подхватил своего американского коллегу под руки.

– Ты был прав, друг мой.

Жан-Клод, на вид не старше первокурсников, оставленных Морби на попечение своего ассистента, привез профессора к месту раскопок, зная только то, что этот американец – закадычный приятель его научного руководителя. Жан-Клод слегка оторопел, наблюдая за бурей эмоций, охватившей обоих исследователей.

– Глянь на шею. Видишь? – прошептал Морби по-французски.

– Красный, – откликнулся Бошан, с сильным акцентом говоря по-английски.

Органическая материя истлела, зато кости обрели дополнительную крепость вследствие минерализации, благодаря чему отлично сохранились. Что бы ни было обвязано вокруг волчьей шеи, оно ушло безвозвратно, однако кости хранили пыльно-красный след оксида железа, входившего в состав пигмента, – того же самого красного оттенка, что и на наскальных рисунках.

– Волк? Или собака? – шепотом спросил Жан-Клод.

– И волк, и собака, – пробормотал Бошан.

– Нет, – исправил коллегу Морби. – Не просто собака. – Он обернулся и посмотрел на Жан-Клода. – Вы нашли первую собаку в истории человечества.

Жан-Клод принял задумчивый вид, а Морби спросил себя, действительно ли молодой человек видит то же, что видят они с Бошаном – палеонтологическое свидетельство решающего момента в истории человечества, благодаря которому люди выстояли и победили.

– А этот человек – он кто? И почему он погребен вместе с собакой?

Морби встал с колен и отряхнул штаны. В послеполуденном солнце задрожало, искрясь, облачко пыли.

– Интересный вопрос, – согласился Морби. – Я сам много лет пытаюсь найти научное объяснение тому, как волки сделались спутниками человека. Но что, если взглянуть на проблему под другим углом: как мы, люди, стали жить бок о бок с волками? Как из легкой добычи превратились в их хозяев? В таком контексте речь идет уже не об эволюции, а об адаптивном поведении, и процесс занимает не столетия, а всего одно поколение. Жизнь одного человека. Лет двадцать. Да, Жан-Клод, вы задали очень, очень важный вопрос.

Кто этот человек?

Книга первая

1

Год девятнадцатый

Волчица и ее спутник устроили логовище в небольшой пещере у ручья. Они покинули стаю, чтобы произвести на свет потомство. Волчице было не впервой искать уединения и вместе со своим спутником заботиться о выводке. Позже, когда волчата подрастут и окрепнут, они приведут их в стаю. Волчицей двигали память и инстинкт.

Ее спутник отправился на поиски пищи. Весна стояла холодная, промозглая, в воздухе носились снежинки, стояли ароматы распускающихся почек, прошлогодней травы и свежей зеленой поросли. Волчица принялась и уловила запах своего спутника – вероятно, он охотился где-то неподалеку.

Внутри волчицы что-то толкнулось: пришло время рожать. Внезапно ее охватила невыносимая жажда; покинув пещеру, она спустилась к ручью и принялась жадно лакать воду. В течение ближайших дней она не сможет выйти из логова. Пищу ей станет приносить самец, а сама она будет кормить выводок молоком. Но сейчас она пила и не могла напиться, интуитивно утоляя жажду на много дней вперед.

В воздухе произошла какая-то перемена. Волчица уловила за деревьями легкое движение и почуяла опасность. Шерсть на ее загривке встала дыбом, зрачки расширились. Волчица дернула носом и обернулась.

Лев.

Ветер поменялся и теперь дул по направлению от логовища, неся с собой запах свирепого хищника. Лев приближался, то ли завидев волчицу случайно, то ли привлеченный дразнящим запахом ее предродовых выделений.

Волчица побежала обратно к ручью. Даже теперь, раздавшийся от талых вод, он оставался достаточно мелким. Отяжелевшая самка пустилась вброд и, с трудом выбравшись на противоположный берег, услышала за спиной громкий всплеск. Она обернулась, и в этот миг лев прыгнул.

Атака была молниеносной. Волчица, забыв о боли, вывернулась из львиных когтей, расцарапавших ей бока, и, щелкая зубами, силилась добраться до глотки врага.

Сокрушительный удар повалил их обоих на землю. Это подоспел спутник волчицы и ринулся в схватку, вонзив зубы льву в загривок. С визгом, воем и рычанием волк и лев сцепились в клубок.

Волчица поспешила назад в логовище. Она ничем не могла помочь спутнику. Сейчас ее волновало одно – судьба потомства.

В двадцати метрах от входа в пещеру у волчицы отнялись задние ноги. Тяжело дыша, она поползла вперед. Позади нее раздался предсмертный визг волка. Лев был в два раза крупнее его, и исход побоища был предречен с самого начала.

Волчица подползала к входу в пещеру, когда внезапно наступившая тишина возвестила печальный итог сражения. Самка не спускала глаз со спасительного прохода, тяжело волоча безжизненные задние ноги и не оглядываясь, хотя чувствовала, что вот-вот ее настигнет лев.

* * *

Человек никогда не знал одиночества. Настоящего одиночества, без надежды встретить других людей на своем пути. Он шел по каменистому берегу ручья, погруженный в тягостные раздумья. Больше никогда не жить среди людей... Сама мысль казалась невозможной, даже смехотворной. Конечно, он вернется к своему племени. И его примут.

Но сегодня, когда почки на деревьях наконец-то начали набухать, хотя под рыхлыми сугробами, лежащими в густой тени, притаилась зима, он отвернулся от сородичей, в прямом и переносном смысле.

А они отвернулись от него.

Весь день он шел вдоль берега и очутился в незнакомых краях. Вокруг лежала ничейная земля.

Из котомки, сработанной из оленьей шкуры, человек достал кусок вяленого мяса и принялся жевать на ходу. Он рассчитывал растянуть съестные припасы надолго, однако не смог устоять перед голодом. В качестве компромисса он не стал разводить огонь, чтобы поджарить мясо, а лишь подкинул сухих листьев в свисавший с шеи полный рог, набитый угольями и сухим мхом. Придет время располагаться на ночлег, тогда и разожжет костер.

Вдруг где-то впереди раздалось хриплое шипение. Человек замер и насторожился. Неужели гиены? У него отчаянно заколотилось сердце: ему никогда не приходилось встречаться с гиенами, но он знал, что удрать или отбиться от них не сумеет.

Легкая тень скользнула по тропе – с неба слетела огромная птица и опустилась на землю, шумно хлопая крыльями. Приободрившись – он никогда не слышал, чтобы птицы кого-нибудь растерзали, – человек продолжил путь.

И вскоре наткнулся на кровавый след. Здесь, на берегу ручья, произошло что-то страшное. Земля была истоптана, повсюду путались следы, львиные и волчьи.

Человек сжал в руке дубину и спустился к воде. Стая огромных мерзких птиц с крючковатыми клювами и голыми, словно ошипанными головами расправлялась с тушей мертвого волка на противоположном берегу. Гнусный вид кровавого пиршества вызывал омерзение.

– Кыш! – вскричал человек. – Пошли прочь!

Птицы даже не глянули в его сторону. Наклонившись, он подобрал с земли камень. Ему удалось подбить одного из стервятников, и стая, тяжело хлопая крыльями, взлетела в воздух.

Волк был разодран на клочки. Судя по глубоким следам, оставшимся на мокром песке, он пал жертвой пещерного льва, а стервятники обглодали его кости.

Человек склонился над запутанными следами. Похоже, на противоположном берегу ручья на волка напал пещерный лев. Распотрошенный труп волка остался лежать на месте побоища. Откуда же взялся кровавый след на этом берегу?

Может, волков было двое? Оба вступили в схватку со львом. Растерзанный волк остался лежать на месте гибели, а другой попытался спастись, перебравшись на этот берег.

Однако лев не стал бы нападать на пару волков, разве что на молодняк, а, судя по следам, уцелевший волк был даже крупнее своего погибшего сородича. Куда же он делся? Отполз подальше и издох?

От волчьего трупа, истерзанного в клочья львом и стервятниками, проку мало, а вот если найти уцелевший труп второго волка, с него можно снять шкуру. Носить волчий мех очень почетно.

Держа наготове дубину, человек осторожно пошел по следу и вскоре достиг небольшого отверстия в скале, напоминавшего приоткрытый рот. Земля перед входом в пещеру была залита кровью.

Волк укрылся внутри.

Человек размышлял, затаив дыхание. Если в пещере волк на него набросится, можно садануть зверюгу по морде факелом. По крайней мере, будет время оценить обстановку и убежать, если грозит опасность.

Но волк мог вырвать факел из рук, тогда смерть...

Человек сурово напомнил себе, что он мужчина, а не мальчик. Мужчине не к лицу бояться. Многие в племени говорили, что он не проживет и до конца года. Нельзя погибнуть в первый же день – нельзя доставить им такое удовольствие.

Дрожащими руками человек соорудил факел из пучка жухлой травы и палки и зажег его при помощи угольев. Сунул горящий факел в черный зев и прислушался. Тишина. Находясь снаружи, он не мог рассмотреть пещеру как следует и, в конце концов, протиснулся внутрь, остро ощущая свою незащищенность.

По узкому проходу человек мог пробраться только на четвереньках. Рука его опустилась во что-то липкое – в лужицу крови.

Проход круто уходил вбок и заканчивался рядом невысоких камней, на которые откуда-то сверху и сбоку падал сноп света. На высоте, в несколько раз превышающей человеческий рост, зияла достаточно широкая расселина. Оттуда можно было без труда влезть в пещеру, вместо того чтобы ползти по тесному проходу.

Пещера раздалась в стороны и вверх. Дневной свет, проникавший через расселину, затмевал пламя факела, однако стоило человеку пройти чуть дальше, как отблески огня уверенно рассеяли темноту.

Впереди лежал волк, точнее волчица. Она лежала на боку, закрыв глаза; на ее морде выделялось белое пятно, по форме напоминавшее человеческую ладонь. Возле волчицы темнели три крошечных комочка: новорожденные волчата. Ее бок, разодранный львиными когтями, влажно блестел от крови.

Теперь все ясно. Волк, защищая волчицу, вступил в схватку не на жизнь, а на смерть, и погиб. Если умрет волчица, умрут и волчата.

Человеку требовалось мясо. Он никогда не слышал, чтобы мясо волков употребляли в пищу, однако плоть молодых животных съедобна почти всегда. Он решил убить волчат и содрать шкуру с волчицы. Вокруг достаточно камней, чтобы ее прикончить; впрочем, она, похоже, и так на последнем издыхании.

Подождать?

Устав сутулиться, человек неловко присел, но, не удержавшись, тяжело упал на колени. Волчица открыла глаза.

2

Она зарычала и попыталась встать. В логовище проник человек и принес с собой огонь. Древний инстинкт велел ей защищать выводок от неожиданной опасности.

Не в силах пошевелить задними ногами, волчица, яростно оскалив пасть, рванулась вперед, оттолкнувшись передними лапами.

В воздухе запахло страхом. Человек с шумом отпрянул, отбросив в сторону ненавистный огонь, и очутился рядом с расселиной, из которой в пещеру проникали свет и воздух. Волчица едва не впилась зубами в его ногу. В последний момент он вскарабкался на высокий выступ в скале, разбрасывая тучи песка и мелкого щебня.

Волчица, глухо рыча, смотрела на него снизу вверх. Человек повис на выступе, как леопард на ветке дерева, и с трудом переводил дыхание.

Из глубины пещеры донесся жалобный писк. Соски волчицы набухли молоком и заныли. Она хотела поскорей откликнуться на зов и уставилась на человека, взглядом прогоняя его прочь.

– Эй, – негромко произнес человек. – Хочешь мяса?

Услыхав его слова, волчица вспомнила о других людях, которые порой ее кормили. Она зарычала. Отброшенный факел догорал, и запах горящего дерева беспокоил волчицу. От человека тоже несло дымом.

Что-то выпало из его руки на пол. Волчица отпрянула, затем чуть-чуть подалась вперед и недоверчиво принялась.

– Оленина. Ешь.

Мясо. Сухое и пропахшее дымом мясо, вполне съедобное. Волчица проглотила угощение.

– Видишь? Вкусно.

Понятно. Этот человек из тех, что когда-то ее подкармливал. Волчица вгляделась в его лицо: тот же изгиб бровей, который, как ей было давно известно, не предвещал ничего дурного.

Инстинкт запрещал пускать в свое логовище других живых существ, даже тех, что настроены дружелюбно. Однако схватка со львом многое изменила. Волчица чуяла запах крови своего спутника и понимала, что тот не вернется. Нужно думать о выводке, остальное не имело значения.

На пол шлепнулся еще один кусок странного мяса. Волчица поспешно подхватила его, – нечто большее, чем голод, велело ей как можно плотнее набить брюхо. Поев, она поползла обратно к волчатам.

Немного погодя послышалось кряхтенье и звук осыпающихся камней. Волчица слышала, как человек карабкался наверх и едва не сорвался на пол, вовремя ухватившись за выступ. Внезапно его запах исчез – человек выбрался из расселины наружу, – хотя в воздухе еще долго пахло костром и дымом.

Волчица прикрыла веки и, перетерпев боль, подставила соски слепым волчатам.

Через какое-то время она проснулась от громкого шороха: вернулся человек, протиснувшись внутрь через расселину. Волчица насторожилась и ошетилилась, однако подавила рычание. Поведение, приобретенное с опытом, взяло верх над инстинктами. Ее терзал голод, и человек утолял его. Волчица унюхала запах мокрого дерева и свежей воды.

Пламя факела, почти погасшее, взметнулось выше, и по стенам заплясали длинные тени. Волчице это не понравилось, но она лежала, не шевелясь, глядя, как подползает человек. В руке он держал выдолбленное полено.

– Тебе нужно попить. Я налью воды вот сюда.

Изо рта человека вылетели непонятные звуки, он наклонил полено, и слышался плеск. Рядом с волчицей образовалась лужица чистой воды. Волчата жалобно запищали, почуяв, что мать оставила их и поползла напиться.

* * *

Человек поспешил отойти подальше, затем робко приблизился, увидев, что волчица лакает воду.

– Я принесу еще, – промолвил он.

Волчица с глухим стоном повалилась на пол рядом с волчатами. Когда она лежала, не шевелясь, острая боль в ребрах утихала.

Волчица тщательно вылизала своих щенят и погрузилась в сон.

* * *

Шли дни. Ход времени отмечали крепнувший и меркнувший свет, проникавший в пещеру через расселину, и запахи, долетавшие снаружи. Днем человек надолго уходил, но с наступлением ночи возвращался, разводил костер подальше от волчицы и оставался до восхода солнца. Волчица его почти не видела – невысокая гряда камней отделяла логовище от остальной пещеры, – однако ощущала его присутствие по запаху. По утрам он перелезал через камни и, приблизившись, бросал ей куски сухого мяса, так что волчице не приходилось подниматься, чтобы поесть.

Однажды утром он ушел и не вернулся. Волчица успела привыкнуть к тому, что человек регулярно ее кормит; хотя с каждым днем ее желудок требовал все больше и больше, маленькие порции мяса помогали заглушить самый острый голод. В день, когда человек не вернулся, волчицу охватила тревога. Без пищи детеныши погибнут. Если бы их отец остался жив, он смог бы кормить ее и – чуть позже – волчат, отрывая съеденную пищу. Так случилось, что роль кормильца взял на себя человек.

А теперь и его не стало.

Страх за жизнь потомства был сильнее голода. Волчица заскулила. Видимо, придется оставить выводок и самой отправиться на поиски пищи. Она поднялась, стряхнув волчат на пол, и с усилием поволокла за собой безжизненные задние лапы. Ею двигал материнский инстинкт.

Волчица добралась до потухшего костра у основания расселины, когда дуновение ветра, проникшее в пещеру, окатило ее волной запахов, среди которых был запах человека, а еще – сырого мяса.

Протиснувшись через расселину, человек заметил волчицу, опирающуюся на передние ноги, и испуганно вскрикнул. Волчица встрепенулась и зарычала, осознав собственную беспомощность. Человек и зверь смотрели друг на друга, не смея пошевелиться.

– Я принес мяса. Оленину.

Голос человека дрожал. От него исходил сильный запах страха, однако волчица внезапно успокоилась. Ситуация была знакомой: испуганный, но решительный человек предлагает ей пищу.

Кормежка ассоциировалась у волчицы с логовищем, поэтому она как можно проворней перебралась обратно через камни. Почуяв мать, волчата оживленно запищали, а она с облегчением улеглась и принялась ждать.

Человек разжег костер, затем перебрался через камни и протянул волчице кость с аппетитным куском мяса. Волчица осторожно взяла кость из его руки.

– Жаль, что не я убил этого оленя, – проговорил человек. – Я не могу охотиться в одиночку.

Волчица жадно хрустела костью.

– А где твоя стая? Почему ты здесь совсем одна? Впрочем, я не знаю, как волки выходят потомство. Никогда не видел новорожденных волчат. Может, у вас так принято – уходить от всех. Мне пришлось бы худо, если бы сюда вдруг явились твои собраты.

И это было ей знакомо. Люди, которые иногда ее кормили, тоже издавали негромкие монотонные звуки.

– Странно. Ты так спокойно принимаешь пищу из моих рук... – Человеческий голос стал мягче. – Никогда не слышал, чтобы волк так себя вел. Наверное, это все твое увечье. А что ты думаешь про меня? Кто я такой и почему живу в пещере вместе с волком, а не с себе подобными? Как так вышло?

Человек горестно вздохнул.

– Хотя мы с тобой пока еще живы, никто не в силах пережить зиму в одиночку. Зимой меня ждут одиночество и голодная смерть.

И он снова вздохнул.

– Что делать с тобой, я тоже не знаю. Может, ты скоро умрешь. Раны у тебя чистые, но внутри тебя что-то сломалось, да и задние лапы тебя не держат. Никогда не ел волчьего мяса. А твои щенки? Что будет, если я оставлю им жизнь?

Волчица расправилась с костью и, насытившись, уложила морду на лапы.

– Говорят, стая волков может разорвать живого человека. Они впиваются в него зубами, а он вопит во всю мочь, не в силах вырваться.

Наступило молчание. Волчица облизнулась, смакуя вкус оленины.

– Я не хочу такого конца. Если я сейчас попытаюсь забрать у тебя волчат, ты из последних сил на меня кинешься... Не понимаю, почему ты здесь. Почему я здесь. И не знаю, что делать дальше.

3

Год первый

Его звали Сайлекс, Сайлекс из племени Волколюдей, и сегодня ему выпала честь идти к волкам с подношением. Он искал стаю, которой с давних пор поклонялся его народ. Однако стая как сквозь землю провалилась, и теперь Сайлекс шел по следу трех молодых, незнакомых ему волков. Он следовал за ними, потому что они были молоды и, может, не столь опасны, как матерые волки. Члены знакомой ему стаи безбоязненно подпускали к себе людей и принимали от них мясо, хотя запросто могли разодрать человека.

Сайлексу шел шестнадцатый год, и он впервые отправился к волкам с подношением. Обычно волков кормил отец Сайлекса, вожак Волколюдей, однако несколько дней назад он сломал ногу, оступившись на камнях, да так неудачно, что кость вышла наружу. Рана загноилась, кожа вокруг нее покраснелась и горела. Обязанность кормить волков перешла к Сайлексу.

Хотя идти по следу молодых волков было несложно, юноше никак не удавалось их нагнать. На влажной земле виднелись следы когтистых волчьих лап и парные оттиски копыт. К югу, ниже по течению ручья, среди неглубоких пещер, лежало летнее поселение людей, называвших себя Сородичами. Волколюди жили на другом берегу ручья. На севере простиралась ничейная земля, дикая глушь.

В одной руке Сайлекс держал копье, а другой придерживал подношение: оленью лопатку, висевшую на перевязи из оленьей шкуры. Кусок был тяжелым, и радостное волнение, охватившее юношу, когда члены племени торжественно проводили его в путь, померкло: как и прочие соплеменники, Сайлекс предпочитал ходьбе бег, а тяжелый кусок стеснял движения.

Ручей уходил вправо, огибая груды валунов, а слева раскинулась зеленая лужайка, освещенная ярким летним солнцем, – уютное, безопасное место, где Сайлекс, будь он сейчас на охоте, расположился бы на ночлег. Юноше стало не по себе. Куда-то заведут его волки?

Три молодых волка впервые оставили стаю и отправились на охоту. Почуввав в отдалении запах пасущегося стада, волки бежали легко и свободно, как будто ноги сами несли их вперед.

Запах добычи не усиливался, и молодая волчица внезапно перешла на шаг, почувствовав, что из-за своей самонадеянности они выбились из сил.

До сих пор жизнь была к ним благосклонна. Они знали бескормицу, но никогда не стояли перед лицом голодной смерти и потому были достаточно сильны, чтобы преследовать добычу, не сбавляя хода. Матерые волки не пошли бы по такому слабому следу – они были куда благоразумней.

Когда волчица остановилась, ее спутники тоже замедлили бег. Волчица была на целую голову выше обоих своих братьев, крупнее в груди и массивней в бедрах. Она верховодила в их детских играх, и теперь волки отважились покинуть стаю только потому, что волчица повела их за собой. Высунув языки, они подбежали к ней и принялись.

Волчица повела носом по ветру. Теперь, прервав утомительный бег сквозь пахучие травы, она унюхала в воздухе что-то новое, холодное и беспощадное. Волчице еще только предстояло пережить все, что обещал этот запах, предстояло пережить зиму; сейчас, среди покачивающихся на ветру летних трав, запах ни о чем ей не говорил.

Крепкая и сильная волчица, не знавшая страха, направилась в ту сторону, откуда веяло прохладой, обещавшей что-то новое и неизведанное. Спутники последовали за ней, выстроившись в том порядке, который они определили для себя на время охоты.

Вскоре ландшафт изменился. Редкие деревья совсем исчезли, мягкий травяной покров поредел. Мощные лапы с хлюпаньем ступали по мокрой земле. В низинах стояла темная вода, над которой вились черные тучи насекомых. На пути попался прозрачный холодный ручей, затем еще один и еще. Волки с наслаждением припадали к воде, восполняя силы.

Внезапно в воздухе прокатилась теплая волна знакомых запахов, и волки дружно замерли. Где-то там, впереди, паслись лоси.

Перепополняемая ликованием, волчица ринулась вперед. Ее порыв передался остальным. Следуя друг за другом, они преодолели подъем и наткнулись на стадо лосей, но смешались, не зная, как быть дальше. Животных было слишком много, и неопытные волки не могли определить границы стада. Встревоженные лоси шарахнулись в стороны, и волки, озадаченные их беспорядочным движением и внушительными рогами, никак не могли выбрать жертву. Раздосадованные, они принялись ходить кругами, щелкая зубами и отскакивая от наставленных на них грозных рогов.

И вдруг волчица расслышала жалобный плач лосенка, отбившегося от стада, и побежала туда, откуда доносилось блеянье. Лосенок метнулся в сторону, и началась погоня. Однако волки выбились из сил и совершили ошибку, пустившись вслед за лосенком вместо того, чтобы отрезать его от стада.

Ничто в их короткой жизни не подготовило волков к дальнейшему повороту событий. Они выбежали на что-то белое и скользкое. Хотя стояло лето, землю покрывал толстый ледовый щит, и волки пришли в замешательство.

Лосенок в панике не обратил внимания на странную перемену под копытами. Он чуял близость воды и инстинктивно бежал к ней, намереваясь спастись вплавь. Сломая голову он кинулся вперед, не видя, что оледенелая земля уходит под уклон и резко обрывается на горизонте. Когда он осознал свою ошибку и разглядел, что ледник заканчивается обрывом, было уже поздно. Не в силах остановиться на скользком скате, он сорвался вниз, беспомощно растопырив ноги.

Волки в изумлении смотрели, как добыча пропала из виду за краем ледника. Ни один из них не пожелал спуститься вниз и поглядеть, что же произошло. Тяжело дыша, они оставались, тычась носами, словно ища друг у друга поддержки.

А потом вновь принялись нюхать воздух, ловя запахи. Наконец, они учуяли свежее мясо и отправились на разведку.

Лосенок рухнул вниз, на скалы, сломав себе позвоночник. От мелких брызг ледяной воды, летящих вниз, он окоченел и почти не чувствовал боли. Наоборот, его охватило облегчение – ведь ему удалось оторваться от волков. Вокруг простирался странный, невиданный прежде пейзаж. Обездвиженный лосенок безразлично взирал на ледяной покров и с удивлением обнаружил рядом с собой тело молодой лосихи, наполовину вмерзшее в лед. Значит, и другие животные попали сюда тем же путем.

Лосенок, будучи стадным животным, почувствовал умиротворение в присутствии другого лося. Боль утихла, волки пропали из виду; стало тепло, клонило в сон. Никогда прежде ему не было так спокойно.

* * *

Сайлекс ахнул. После трех дней поисков троица волков сама вышла ему навстречу. Их разделяли всего каких-то пятьдесят шагов.

У Сайлекса пересохло во рту. Прерывисто дыша, он потянулся к перевязи на плече, высвобождая оленью лопатку. Волки, как ни в чем не бывало, подошли ближе, плутовато на него поглядывая. Этот зверь не представлял опасности. К тому же он один. Неопытность,

а также дразнящий запах крови и мяса, исходивший от зверя, заставил волков забыть об осторожности.

Они не умели окружать и оттеснять жертву. Вместо этого они сбились в кучу на тропе, словно встретили соплеменников, а не добычу. До человека оставалось не более десяти шагов, когда их самоуверенность вдруг испарилась: они заметили нацеленное на них острие копья.

– Это был удачный год. Вы привели нас к местам хорошей охоты, – дрогнувшим голосом приветствовал зверей Сайлекс. – Вскоре лето отойдет, и мы последуем за вами через снега, туда, где зимуют стада. Благодарим вас.

Волки и ухом не повели. Они принохивались и переступали с лапы на лапу, собираясь с духом, чтобы напасть, напряженно выжидали, влекомые запахом крови, текущей в жилах человека. Сайлекс хотел бросить им мясо и бежать без оглядки, но отступить не годилось. Если он сбежит, подношение не состоится.

Громадных размеров волчица смотрела ему прямо в глаза. Это было не в манере волков: как правило, взгляд у них беглый и расчетливый, без малейших признаков заинтересованности. На темно-серой шерсти, покрывавшей лоб, выделялось белое пятно в виде человеческой ладони.

Не сводя глаз с человека, волчица шагнула вперед. Сайлекс понял, что должен предложить подношение именно ей. Может, встав на колени, смиренно молить о принятии дара?.. Не решившись, юноша просто опустил оленью лопатку на землю.

Волки шарахнулись назад, но волчица, не сходя с места, спокойно потянулась к куску мяса, перед этим в последний раз смерив Сайлекса взглядом.

Волки, не обращая на него внимания, жадно накинулись на оленину. Не сводя с них глаз, Сайлекс отошел назад, затем повернулся и, опьяненный удачей, побежал.

Он расскажет отцу об огромной волчице, о том, как она приняла подношение. Разумеется, это знак! Теперь волки и впредь будут покровительствовать его племени! Ходили легенды, что те, кто идут по волчьему следу, сами становятся волками, тогда как трусов ждет участь добычи. Сайлекс не был трусом.

Нутром почувствовав опасность, юноша обернулся, и колени у него подкосились.

Позади, шагах в пятидесяти, бежали волки. Они трусили легкой рысцой и могли без усталости преследовать его еще очень, очень долго. Волколюди бегали куда быстрее людей из других племен, но все-таки до волков им было далеко. Хищники настигнут его и разорвут в клочья.

Впереди показалась приветливая зеленая лужайка, по одну сторону которой бежала речушка, а по другую беспорядочно громоздились тяжелые валуны, вросшие в землю. От ужаса Сайлекс едва не падал с ног и так ослабел, что готов был по-детски расплакаться.

На что он надеялся? Ему не уйти. Броситься в речку? На мелководье не спастись.

Хорошо. Он встретит их здесь.

Протиснувшись между двумя округлыми валунами, Сайлекс вышел к отвесному каменному склону. Теперь волкам его не окружить – им придется по одному миновать узкий проход. Вот только использовать копье против священных животных нельзя – запрещено. Если волки решат напасть, смерти не миновать.

Может, давным-давно он и сам был волком, но воспоминание об этом стерлось из памяти. Сайлекс плохо представлял себе, что с ним произойдет после смерти; он только надеялся, что расправа будет быстрой, и если он и вернется в этот мир, то в облике благородного зверя, а не в лосиной шкуре.

Волки кружили у валунов, принохиваясь и поскуливая от нетерпения. Самцы, осмелев от удачного преследования, подошли вплотную к проходу.

Сайлекс бросил копье на землю.

– Предаю себя вашей воле, – дрожащим голосом произнес он. – Я готов к смерти.

4

Волки видели добычу, жмущуюся к камням, и жаждали вонзить в нее зубы. Запах оленьей крови, исходящий от человека, распалял их все сильнее, однако инстинкт подсказывал: загнанный зверь может быть смертельно опасен. Впрочем, странный зверь, несмотря на размеры, покорно ожидал своей участи. Почему он не бежит, не кричит, не защищается? Волки фыркали от досады.

В отличие от своих спутников, волчица сомневалась, что укрывшееся за камнями существо – подходящая добыча. Что-то отличало его от других. Да и мясо оленя досталось волкам именно из его рук.

Донесся звук. Волчица резко обернулась и прислушалась, дергая ушами. Выкрик – там, ниже по течению.

– Идем же, Урс, – раздался звонкий девичий голос.

На миг волки застыли в нерешительности, но, когда из-за пригорка показались молодой мужчина и девушка, они неслышно скрылись из виду.

– Вот мы и здесь! – воскликнула девушка.

Из своего укрытия Сайлекс хорошо видел ее большие выразительные глаза. На вид ей было около шестнадцати. Больше всего Сайлекса поразили волосы девушки, переплетенные хитрым образом. Женщины его народа не носили таких причесок.

Мужчина выглядел на несколько лет старше девушки и был выше ее. Более того, он был выше всех людей, которых знал Сайлекс. У него была черная густая борода, в отличие от Сайлекса, щеки которого покрывала редкая поросль.

Короткая набедренная повязка Сайлекса не стесняла движений и была сработана из лисьих шкур: Волколуди, как и волки, охотились на лис, однако, в отличие от своих покровителей, не разрывали зверьков на мелкие кусочки, а аккуратно снимали с них шкуру. Незнакомцы же носили одеяния из выделанной кожи длиной чуть ли не до колен и с разрезами по бокам.

Сайлекс поспешил броситься на землю и притаиться за камнями. Сородичи не отваживались заходить так далеко вверх по течению. Из какого же племени незнакомцы? Орда? Если они из Орды, ему грозит опасность. Впрочем, хотя дикари из Орды и разгуливают, где им вздумается, они не ходят по двое, а их женщины всегда остаются в долине у реки.

Сайлекс потянулся к копыю. Если они из Орды, придется их убить.

– И как тебе удалось найти такое место? – притворно-суровым тоном поинтересовался мужчина, которого звали Урс.

– Я его не искала: оно ведь не терялось, – пошутила Калли, подставив лицо солнцу.

– Калли Умбра! – с укоризной покачал головой мужчина, назвав девушку ее полным именем. Сородичи считали, что стоят выше других людей, и не в последнюю очередь потому, что их традиции наречения имен были весьма незаурядными. Когда ребенку исполнялось три года, самая старая женщина в роду складывала о нем легенду, с которой ребенок вступал во взрослую жизнь. Легенда заканчивалась пространством наречением, после чего ребенку давали имя, отражающее суть легенды. Полное имя Калли – Калли Умбра – означало «та, чьи мысли окутаны мглой и туманом». Так нарекла Калли ее бабушка, с намеком на известную всему племени прихотливость суждений девочки.

– Тебе нельзя сюда заходить. То есть нам нельзя сюда заходить, – выговаривал девушке Урс. – Это дикие земли.

Легенда об Урсе гласила, что мальчик развивался быстрее своих ровесников, в росте не уступая мальчикам постарше, и однажды станет таким же крупным и сильным, как пещер-

ный медведь. Урс действительно был долговязый, но ему не помешало бы нарастить немного мяса. Хотя его полное имя было Урсус Колоссус, все звали парня просто Урс.

– Я ослушалась запрета, – добродушно согласилась Калли. – Теперь твоя очередь.

– Я нарушил запрет уже тем, что пришел сюда, – огрызнулся Урс, но игривая улыбка, свойственная каждому мужчине, когда он любезничает с женщиной, не сходила с его лица.

– Я про другой запрет. – Лукаво поигрывая глазами, Калли шагнула к Урсу.

– Какой? – хрипло переспросил Урс. В его голосе не осталось и следа от прежней игривости.

Сайлекс напряженно думал. Выпрыгнув из укрытия, он, пожалуй, застигнет незнакомцев врасплох и успеет добраться до ручья. Однако мужчина, судя по всему, охотник... Лучше подождать, пока они сами не уйдут отсюда.

Если, конечно, его не обнаружат. Тогда укрытие, надежно защищавшее от волков, окажется ловушкой. Значит, выпрыгнуть из укрытия и вонзить копье охотнику в спину? Женщина наверняка сразу же убежит, и преследовать ее Сайлекс не собирался. Он прицелился в точку между лопатками охотника – нанесенная туда рана будет смертельной.

– Не хочешь сказать мне то, чего не следует говорить? – вкрадчивым шепотом спросила Калли.

Урс смотрел на нее во все глаза. Его руки шевельнулись, словно готовились обвить стан девушки.

– Нет? – шаловливо спросила Калли. – Значит, я ошиблась.

Танцующей походкой она отошла в сторону, но Урс пошел за ней следом.

– Ты преследуешь меня, большой медведь? – шутливо возмутилась Калли.

– Калли, я...

Должно быть, Урс не раз проговаривал про себя слова, что готовы были сорваться с его губ, однако не осмеливался произнести их вслух.

– Хочу. Я хочу сказать, что люблю тебя.

Калли в восторге всплеснула руками.

– Урс! И я люблю тебя. Почему ты раньше молчал?

Урс не ответил. Калли протянула к нему руки, и они поцеловались, стоя под яркими лучами солнца.

Вряд ли они из Орды, решил Сайлекс. Те ведут себя совсем иначе. Должно быть, это Сородичи. А нарушенный запрет, о котором шла речь, – это запрет покидать территорию племени.

Волколюди избегали Сородичей, опасаясь, как бы встреча не переросла в стычку. Может, напасть на мужчину, пока он, ничего не подозревая, обнимает девушку?

Волк сидел бы и выжидал, решил Сайлекс. И он стал выжидать.

– Что с нами будет, Урс? – спросила Калли.

– Не знаю, – ответил Урс, покачав головой.

– Это не ответ! – возразила Калли.

– Совет женщин...

– Нет! – перебила его Калли.

Урс раздраженно вздохнул.

– Совет женщин решает, кому и на ком жениться, – обреченно вымолвил он.

– Да, конечно, – нетерпеливо согласилась Калли. – Но родители могут договориться между собой и вынести свое решение на суд женщин. Моя мать замолвит за меня слово. Что ей сказать?

– Моя мать давно умерла, и за меня решит совет женщин, – ответил Урс. – Женщины выберут мне жену.

Калли окинула его оценивающим взглядом.

– Ты смелый. Ты не боишься женщин, – помолчав, сказала она.

– Конечно, не боюсь, – огрызнулся Урс.

Его реакция позабавила Калли.

– Тогда скажи, что мы всегда будем вместе. Всегда.

Урс слегка расслабил плечи, словно после мощного броска, когда копье уже в полете и остается лишь следить за его траекторией.

– Мы всегда будем вместе, – послушно повторил он.

– Мы поженимся, – сказала Калли.

– Ох, Калли...

– Урс, я ждала этого всю жизнь! Пообещай мне.

– Если Альби узнает, что мы связали себя обещанием, она ни перед чем не остановится, чтобы разлучить нас.

Калли задумалась.

– Хоть Альби и Старейшина, не ей решать за всех. Это она должна исполнять волю совета, а не наоборот.

– Я заметил обратное, – сухо бросил Урс.

Калли сжала кулаки.

– И вообще, при чем тут совет? Если мужчина и женщина хотят стать мужем и женой, это их личное дело!

– Глупости говоришь.

– Почему совет женщин вмешивается в нашу жизнь? Когда я стану Старейшиной, каждая сможет сама выбирать себе мужа.

– Когда ты станешь Старейшиной? – со смехом повторил Урс.

– Я не шучу, – взвилась Калли.

– Не сомневаюсь.

– Тогда скажи. Скажи, что мы поженимся, – потребовала Калли.

– Ох, Калли...

– Пожалуйста, Урс!

Урс с любовью посмотрел на девушку и нежно улыбнулся.

– Хорошо. Мы поженимся, Калли. Я люблю тебя.

Звук поцелуя. Сайлексу уже надоело прятаться.

– Урс?

– Что?

– Ты знаешь, что делают мужчина и женщина, когда остаются наедине?

Урс оторопел, затем отстранился и заглянул Калли в глаза. Та лукаво сощурилась.

– Конечно, знаю, – ответил он.

– Неужели? Ты, наверное, бывал у вдов? – нараспев спросила Калли.

– Что? Нет, не бывал.

– Ну, тогда ладно. Просто ты ответил с таким знанием дела...

– Я не ребенок, Калли. Я охотник. Я ношу копье.

– И умеешь обращаться со своим копьем? – шепнула Калли.

Сайлекс поморщился: просто поразительно, что два человека могут так долго толковать ни о чем. Уж лучше погибнуть в стычке, чем сидеть здесь и выслушивать их болтовню.

– Умею, – ответил Урс.

– Еще бы. – Рука Калли скользнула под набедренную повязку Урса.

– Калли, – простонал он.

– Так чем, говоришь, они занимаются, охотник? И разве для этого не подходит мягкая, согретая солнцем трава?

Скуку Сайлекса как рукой сняло. Урс и Калли, тяжело дыша, сбросили одежды. Вскоре, к большому удивлению Сайлекса, они улеглись на траве лицом к лицу, и их тела сплелись воедино. Волколюди подражали любовным повадкам волков, и то, что сейчас происходило перед глазами у Сайлекса, казалось ему противоестественным.

Через некоторое время он решил, что пора бежать: незнакомцам не до него.

Сайлекс выскочил из-за валунов и бросился бежать. Урс закричал и кинулся в погоню. Проворный быстроногий Сайлекс пустился во всю прыть, петляя из стороны в сторону.

5

Раздосадованная Калли подобрала одежду и принялась дожидаться, когда вернется Урс. Все шло так, как она себе и представляла, и тут неожиданно-негаданно из-под земли вынырнул какой-то человек, и Урс в одно мгновение преобразился. Только что он был ее любовником – и вот уже несется за кем-то с копьем...

Вскоре Урс вернулся, и Калли вздохнула с облегчением – цел и невредим. Увидав, что Калли сидит на земле и спокойно его поджидает, вместо того чтобы, распростершись на мягкой траве, изнемогать от желания, Урс соорудил разочарованную гримасу.

– Это был один из Робких? – спросила Калли. – Никогда их не видела.

Урс покачал головой и подошел к девушке. Калли с удовольствием обласкала взглядом его обнаженное стройное тело.

– Нет, человек. Робкие крупнее и выглядят иначе. Мне не хватает слов, чтобы описать.

– Он, наверно, страшно перепугался, когда увидел, что ты бросился за ним во всеоружии, – сказала Калли, многозначительно опустив взгляд.

Урс покраснел и поднял с земли свою набедренную повязку.

– Хотя, как погляжу, ты спешишь спрятать свое копье, – продолжила Калли.

– Он бежал очень быстро. Быстрее, чем любой из Сородичей. Я почти попал в него. Промахнулся на самую малость.

– Значит, сегодня твое оружие настигло только одну жертву, – заключила Калли.

– Ты слишком умная для меня, Калли Умбра, – смеясь, ответил Урс.

Мужчина считает меня умной, изумилась про себя Калли.

Одевшись, Урс и Калли вышли на тропу, ведущую к летнему поселению. Урс молчал. Не оттого ли, думала с надеждой Калли, от чего ей самой было не до разговоров: воспоминание о том, что произошло на поляне, не оставляло места для пустой болтовни.

Они шли медленно, сплетя пальцы. На усеянном камнями участке тропы они разжали руки, чтобы лучше удерживать равновесие. По счастью, они держались в стороне друг от друга, словно чужие, когда за поворотом им повстречался Пэллок. Пэллок, невысокий и коренастый, был на год старше Урса.

– Нашли что-нибудь? – Держа копье наготове, он застыл у кроличьей норы, однако всех кроликов, обитавших там, перебили еще прошлым летом, и, сколько Сородичи ни дежурили, кролики не показывались.

– Еще бы! – весело откликнулась Калли. – Нам здорово повезло!

Урс обернулся и оторопело взглянул на девушку, дивясь ее дерзкой выходке.

– И что нашли? – спросил Пэллок, подозрительно переводя взгляд с Калли на Урса.

– Ничего мы не нашли, – сознался Урс, зыркнув на Калли.

Пэллок фыркнул.

– Ведете себя как дети.

Его слова пришлись Урсу не по нраву.

– Я не ребенок. Я охотник. Копейщик, – негромко возразил он.

Пэллок разительно отличался от остальных Сородичей. Почти все его соплеменники были смуглые и кареглазые, тогда как он был светловолос, а глаза цвета янтаря становились почти прозрачными в ярком свете солнца. Калли поняла, что он злится, еще до того, как он заговорил.

– А я старший копейщик, – мрачно отвечал Пэллок. Он взглянул на Калли и покраснел: она с любопытством разглядывала его руки, казавшиеся летом почти безволосыми. – Однажды я стану старшим ловчим и тогда все припомню тем, кто оскорблял меня.

Калли не желала больше находиться рядом с Пэллоком.

- Пойду, помогу женщинам готовить ужин, – заявила она.
- Ступай, – небрежно бросил Пэллок. – Старший ловчий велел мужчинам охотиться рядом с лагерьем. Урс останется и поможет мне.
- Мне не следует идти одной, да еще так далеко, – с укоризной сказала Калли. Бледное лицо Пэллока скривилось от раздражения.
- Она права, – заметил Урс.
- Тогда ступайте оба. От вас толку все равно не будет.
- На скулах Урса вздулись желваки, однако, когда Калли легонько коснулась его, проходя мимо, он, ни слова не говоря, последовал за ней. Вскоре они отошли на достаточное расстояние, и Пэллок уже не мог их слышать.
- Спасибо, – тихо произнесла Калли.
- Ты права. Женщине не следует ходить одной, особенно так далеко.
- Нет, спасибо за то, что ты ушел. Что не стал продолжать разговор.
- Тоже мне, разговор, – буркнул Урс. – Пэллок никогда никого не слушает, только говорит. Какой с ним может быть разговор.
- Ты считаешь, это правда? Что он однажды станет старшим ловчим? – спросила Калли.
- Нам не нужен старший ловчий. Харди – лучший ловчий из всех.
- Не сейчас. Когда-нибудь потом. Ведь старший копейщик рано или поздно становится старшим ловчим?
- Наверное, да.
- Ты должен стать ловчим, – торжественно заявила Калли.
- Урс улыбнулся краешком губ, и Калли почувствовала прилив нежности. Его улыбка означала, что Урс и сам втайне мечтал об этом.
- Что бы ты сделал, будь ты ловчим? – не унималась Калли.
- Урс впился в девушку взглядом.
- Я бы снова выслал следопытов. Чтобы разыскивали зверей и вели к ним охотников.
- Не понимаю. Почему ты говоришь «снова»?
- Урс помрачнел.
- Помнишь следопытов, что пропали два лета назад? Их схватила Орда. Теперь Харди боится высылать следопытов. Мы охотимся гурьбой, держась вместе. Только когда нам удастся ранить зверя, Харди отправляет людей вперед, чтобы те настигли и добились подранка. Но и им запрещено разбредаться.
- Разумно, – одобительно кивнула Калли. – Если где-то рядом бродит Орда, нельзя рисковать.
- Ты указываешь мне, как надо вести охоту? – нахмурил брови Урс.
- Конечно, нет, Урс, – примирительно сказала Калли. Она видела Урса насквозь и, разумеется, заметила его возмущение. – Тебе виднее. Просто я боюсь Орды.
- Охота нынче не ладится. Надо высылать следопытов.
- А другие охотники с тобой согласны?
- Некоторые. Но Харди считает, что рисковать нельзя.
- Совет женщин тоже терзают разногласия, – немного помолчав, сказала Калли. – Все презирают Альби. Мы только и ждем повода, чтобы избрать новую Старейшину.
- Правда? – Урс остановился и уставился на Калли. – Тогда это меняет дело.
- Не понимаю, что ты имеешь в виду, – медленно проговорила Калли.
- Придумай, как заставить совет избавиться от Альби и выбрать на ее место кого-то другого, кто одобрит наш брак.
- Урс сказал это с таким воодушевлением, что Калли захотелось его обнять.

– Мужчинам легко говорить, каждый из вас вправе выносить предложения на совет охотников.

– Решает все равно старший ловчий, – напомнил Урс.

– И все-таки каждый может высказать свое мнение, не опасаясь наказания. На совете женщин открыто не говорят. Задача Альби – приводить нас к согласию, однако чаще всего она никому не дает и слова сказать. Женщины устали от Альби и хотят избавиться от нее, но это еще не значит, что ее вытурят. У нас, женщин, все не так, как у вас, охотников. Ты не знаешь Альби, – грустно закончила Калли.

– Чего он не знает? – раздался позади громкий голос.

Вздрыгнув, они обернулись: перед ними, уперев руки в бедра, стояла Альби.

Год девятнадцатый

Волчица открыла глаза и подозрительно покосилась на человека. Он медленно подбирался ближе, опасливо на нее поглядывая. Насыщенный земляной запах его ладоней смешивался с дразнящим ароматом свежего мяса, лежавшего в котомке. Человек остановился в одном шаге от волчицы. Она могла бы прыгнуть и перегрызть ему глотку. Инстинкт повелевал ей расправиться с чужаком и защитить волчат. Волчица оскалила зубы, и человек, шумно вдохнув, застыл на месте.

Однако вскоре тревога волчицы улетучилась. Когда человек придвинулся еще ближе, она не шелохнулась и лишь сонно наблюдала, как он открывает и закрывает рот, издавая непонятные звуки.

– Грязь целебная. Мы мажем ею раны, чтобы не гноились. Мне надо к тебе прикоснуться. Больно не будет. Это для твоего блага и для блага твоих щенков.

Волчица со вздохом опустила морду на лапы, утомленная борьбой с инстинктом, восставшим против желания довериться человеку, который ее кормил.

Он раскрыл котомку, и в воздухе запахло мясом.

– Попробую...

На пол сбоку от волчицы шлепнулся кусок мяса, и она жадно слизнула его языком.

Когда ее шкуры коснулась рука человека, волчица глухо зарычала. Щенки забеспокоились. На разодранный бок легло что-то влажное и прохладное, и рядом упал еще один кусок мяса.

Волчица обернулась и опять зарычала, на этот раз предостерегающе.

– Еще немного.

Она ощерилась и, изогнув шею, щелкнула зубами. Человек отпрянул.

– Ладно, ладно, – промямлил он.

Волчица подобралась, готовясь броситься на человека и разорвать его. Но когда на пол шлепнулся еще один кусок мяса, она осознала четкую связь между едой и присутствием человека. Она отвернулась, подхватила зубами угощение и проглотила его.

* * *

Волколюди вели кочевой образ жизни; волки приводили их в места, богатые дичью. Однако, как у волков было место сбора и совместных игр, так и Волколюди возвращались в одни и те же края вдоль берегов реки, где их дети были в безопасности.

Сайлекс бежал почти всю дорогу, не останавливаясь и не расслабляя мышц спины, словно ожидал, что копье Сородича вот-вот вонзится ему меж лопаток. И только почуяв дым костров своего племени, юноша вздохнул свободнее.

В лагере царила гнетущая атмосфера. Вместо приветствия люди мрачно кивали друг другу.

– Твой отец хочет тебя видеть, – шепнул Сайлексу друг детства Бракх.

– Ему лучше?

Бракх отрицательно мотнул головой. Как и прочие северные племена, Волколюди были смуглы, а их черные волосы лоснились на солнце благодаря соку растений, который использовался для укладки. Что отличало Волколюдей от других племен, так это их гибкое телосложение и жилистые ноги, поскольку даже во время прогулок Волколюди бегали, а не ходили.

Отец Сайлекса лежал у костра; по его лбу градом катился пот. Почти полностью обнаженный, за исключением лисьей шкуры, сброшенной на бедра, он задыхался. Сломанная лодыжка правой ноги почернела, к паху от нее тянулись черно-красные полосы.

– Отец?

Отсутствующий взгляд старика сфокусировался на сыне.

– Сайлекс. Ты вернулся...

– Я совершил подношение. Волчица глядела на меня в упор. Огромная. У нее на лбу отметина в виде ладони.

Старик закряхтел.

– Наверное, это знак. Боюсь, я не оправлюсь от болезни. Меня бросает то в жар, то в холод.

– Ты лежишь слишком близко к огню. Поэтому тебе жарко.

Отец метнул на него свирепый взгляд, и Сайлекс отвел глаза.

– Не надо врать. Мне от этого не легче. Мы оба знаем, что со мной.

– Да, отец.

– Я рад, что ты вернулся. Дуро соберет племя у главного костра. Я оглашу свою волю, и племя должно повиноваться.

– Конечно, отец, – пробормотал Сайлекс, страшась того, что грядет.

– Слушай. Когда я умру, ты станешь вожаком и возьмешь в жены Ови. У вас будут крепкие дети. Так заведено у наших покровителей: пара вожаков производит на свет самое сильное потомство. Значит, один из ваших сыновей, мой внук, однажды станет во главе племени.

Сайлекс глубоко вдохнул.

– Отец. Я не люблю Ови. Я люблю Фиа и хочу взять ее в жены.

Из последних сил старик приподнялся.

– Нет. Ты сделаешь, как я сказал, – властно проговорил он. – Скажи спасибо, что тебе вообще достанется жена. Одно время в племени рождались только мальчики. Правда, теперь начали появляться и девочки, но у нас все равно слишком много мужчин и слишком мало женщин. – Старик задумчиво посмотрел на сына. – А я-то радовался, что у нас много охотников... Тебе предстоит исправить положение. Может быть, придется захватить женщин из другого племени.

Сайлекс был потрясен его словами.

– Мы ведь не Орда, отец! Мы не похищаем людей.

– Что ж, привыкай к обязанностям вожака. – Старик жестом велел Сайлексу помочь ему встать и, опираясь на плечо сына, проковылял к главному костру. Сайлекс огляделся, ища глазами Фиа, однако его взгляд наткнулся на Ови. Она стояла у костра, уныло глядя на танцующие языки пламени.

– Мы – Волколюди, – начал отец Сайлекса, когда собравшиеся обратили на него почти-тельные взоры. – Мы живем по законам волчьей стаи. Мы не ходим, как прочие племена, – мы бегаем. В легкости ног нам нет равных. И мы следуем за вожаком. Так правильно. Так должно быть. – Он закашлялся. – Рана на ноге отравляет меня. Долго я не протяну. Когда я умру, вас поведет мой сын, Сайлекс. – Старик с вызовом посмотрел вокруг, но не встретил возражений. – Он возьмет в жены Ови.

Сайлекс поднял глаза и встретился взглядом с Ови. Полнотелая, с миловидным лицом, на котором застыло мрачное выражение, она была на три года старше Сайлекса.

– У них родятся крепкие дети. – С этими словами старик, утратив последние силы, тяжело привалился к сыну.

Все молчали. Никто не посмел бросить вызов вожаку, даже те из мужчин, кому не понравилось, что их поставили под начало шестнадцатилетнего юнца. Даже Ови, которая, очевидно, не догадывалась о планах отца выдать ее замуж. Даже Сайлекс, который любил другую девушку, Фиа, но которому теперь придется брать в жены Ови.

Свою сестру.

6

Дети Сородичей боялись Альби. Для женщины она была слишком крепкого сложения, с такими же водянисто-голубыми глазами, что и у своего сына, Пэллока. Альби прожила больше трех десятков лет, о чем свидетельствовало ее обветренное, покрытое пятнами лицо. Когда ее муж погиб на охоте, она перестала завязывать волосы в узел; длинные слипшиеся космы подернулись сединой, что придавало Старейшине еще более дикий вид.

Альби повсюду ходила с увесистой палкой и в разговоре ударяла ею об землю для придания большего веса своим словам. Вот и сейчас Альби опиралась на палку и, подозрительно щуря водянистые глаза, гневно взирала на Калли и Урса.

– Ты сказала «не знаешь Альби». Чего это он обо мне не знает? – допытывалась Альби.

Калли ничем не выдала своих истинных чувств, в отличие от Урса, у которого все отразилось на лице: и тайное свидание, и запретные клятвы, и дерзкие мнения насчет брачных обычаев.

– Урс считает, что твой сын, старший копейщик, слишком суров с ним, – выпалила Калли, не зная, чем еще объяснить виноватое выражение лица Урса. – Он просил меня поговорить с тобой, чтобы ты повлияла на сына. А я ответила, что ты не вмешиваешься в вопросы охоты.

– Это верно, – усмехнулась Альби. – При чем тут я? Должно быть, Пэллок суров с тобой потому, что ты – трусливый мальчонка, хоть и долговяз.

От ярости у Урса дрогнули губы. Калли обернулась к нему, встав спиной к Альби, и умоляюще промолвила:

– Вот тебе ответ. Лучше поговори с Харди.

Девушка закусил губу, наблюдая, как Урс молча сносит оскорбление. Их глаза встретились, и на сердце у Калли потеплело. Урс все понял.

– Мне пора. Скоро нам на охоту, – сухо проронил он.

– Да уж, поторопись, – с издевкой улыбнулась Альби.

Когда Урс ушел, Калли с облегчением вздохнула.

– Калли Умбра, – обратилась к девушке Альби. – Вы говорили о другом. Меня не обманешь.

– Не понимаю, о чем ты толкуешь, Старейшина, – пожала плечами Калли.

– Не дерзи мне, девчонка из мглы и сумрака!

– Прости, женщина, бледней которой не сыскать, – с деланой серьезностью ответила Калли, назвав Альби ее полным именем. Они посмотрели друг другу в глаза, и Альби первой отвела взгляд.

* * *

В то лето Сородичи жили впроголодь. Харди, старший ловчий, собирал мужчин на охоту чаще обычного. С того дня, как Урс и Калли спугнули человека, прятавшегося за камнями в их укромном месте, им не удавалось побыть вдвоем. У девушки буквально ломило руки от желания обнять любимого.

Вернувшись с охоты, мужчины остались на мужской стороне стойбища. Урс в кругу других охотников сидел на корточках у костра, повернувшись спиной к Калли. Девушка не сводила с него глаз в надежде снова испытать сладостный трепет, охватывавший ее всякий раз, когда их взгляды пересекались. Однако Урс не оборачивался.

В стойбище один за другим зажигались костры, но готовить было нечего. В голодное время Сородичи объединяли свои скудные запасы, и перед Калли и ее матерью, Коко, вставала нелегкая задача накормить все племя.

Коко отправилась на поиски съедобных кореньев. Тем временем Калли взяла бревно с выдолбленным в нем углублением, налила туда воды, добавила трав и принялась тщательно обирать мясо с небольшой птицы, зажаренной на углях. Эта птичка да еще парочка освежеванных кроликов – вот и весь ужин. А ведь его еще предстояло разделить между членами племени, которое насчитывало более сорока человек. Среди всех северных племен Сородичи были самыми многочисленными.

Калли предстояло обобрать с костей кроличье мясо, а затем растолочь косточки и добавить в похлебку. Разумеется, первыми за еду примутся охотники, значит, женщины и дети сегодня уснут голодными.

К костру, возле которого хлопотала Калли, подошла Рене, ведя за собой четырех трехлетних малышей. С недавних пор Рене, подражая Калли, стала дерзко заплетать волосы в косу. Рене было девятнадцать лет, на целых три года больше, чем Калли, но ростом она ей значительно уступала. Рене осталась сиротой и подчинялась совету женщин, многие из которых не одобряли ее замысловатую прическу.

– Чем занимается Калли? – спросила Рене.

– Готовит кушать! – хором закричали дети.

Рене и Калли улыбнулись друг другу. Все женщины их племени любили возиться с малышами, однако Рене занималась детьми с особенным удовольствием.

– Хорошо. А теперь покажите мне, где у вас мужская рука, правая? – обратилась к детям Рене.

Произошло легкое замешательство, потом Калли, стоявшая позади Рене, подняла правую руку, и малыши один за другим последовали ее примеру.

– Правильно, – похвалила Рене. Она указала на правую сторону лагеря, где под навесами из шкур спали холостые мужчины, а вокруг костра собирались охотники и обсуждали свои дела. – Вот это мужская половина. Детям можно туда заходить?

– Нет! – хором закричали малыши. Они знали, что им запрещается ходить на мужскую сторону, но все равно бегали туда к своим отцам и будут продолжать бегать, пока не подрастут.

– А теперь покажите, где у вас женская рука, левая, – велела Рене. Калли в шутку снова подняла правую руку. Малыши рассмеялись и подняли левую ручку. – Верно, молодцы, – снова похвалила их Рене.

На женской стороне лагеря дети могли разгуливать свободно. Вход туда был заказан только мужчинам.

Рене повела руками вокруг себя. За ее спиной возвышался скалистый холм, в котором темнели неглубокие пещеры, а перед ней простиралась общая территория, занятая жилищами, – шалашами из костей мамонтов, покрытых звериными шкурами. В отличие от женской и мужской сторон лагеря, занимавших небольшую площадь, общая земля тянулась от холмов до самого ручья. Здесь свободно расхаживали все члены племени, стараясь держаться подальше от чужих жилищ.

– А здесь общая земля для всех Сородичей, – провозгласила Рене. – Отсюда и до ручья. Можно детям переходить ручей? А уходить вверх или вниз по течению?

– Нет, – в один голос безрадостно воскликнули дети. Они хорошо знали, что покидать территорию лагеря запрещено: где-то там рыскала Орда.

К костру подошла Белла, а Рене и дети отправились дальше обходить лагерь.

– И все? Только два кролика? – спросила Белла, скептически взглянув на освежеванные тушки.

В обязанности Беллы входило добывать и поддерживать огонь – не самая трудная задача, если учесть, что общинный костер никогда не гас, а хворост для него собирали подростки; от Беллы требовалось добывать огонь только лишь тогда, когда племя переходило с места на место.

В свои шестнадцать лет Белла была редкой красавицей. В ее легенде говорилось о невиданной красоте, а полное имя – «та, чей прекрасный облик дарует счастье» – как нельзя лучше подходило девушке с чистой гладкой кожей, сверкающими темными глазами и правильными чертами лица. Густые черные волосы Беллы свободно рассыпались по плечам. Летом Белла, как и ее подруга Калли, стала девушкой на выданье, и подруги не могли об этом наговориться.

– Надеюсь, охота будет успешной, – сказала Калли. – Кого взял с собой Харди?

Считалось, что Белла лучше других женщин разбирается в охотничьих делах, поскольку у нее было пятеро братьев. Но Калли очень хотелось услышать имя Урса.

Белла, сведя брови и высунув от усердия кончик языка, пыталась двумя палочками достать из костра раскаленный камень.

– Альби идет, – прошипела она.

Калли, напустив на себя сосредоточенный вид, тут же склонилась над разложенными перед нею припасами.

– Это что такое? – грозно спросила Альби. Она сунула грязный палец в суп и, облизав его, поморщилась. – И вы собрались кормить этим мужчин!.. Нужно больше трав. Ступайте, принесите еще.

Калли с Беллой переглянулись.

– Но моя мать уже пошла за...

– Какое мне дело до твоей матери! Я говорю, ступайте за травой. – Альби тяжело стукнула палкой о землю. – Или вы вздумали мне перечить? Нет? Тогда вперед.

Калли отошла от костра и оглянулась: Альби, скрестив руки на груди, сурово следила за девушками.

– Меня уже тошнит от травы, – буркнула Белла. – Куда подевались все олени? Почему в этом году так плохо с охотой?

– И почему Альби прогнала нас от костра? – вслух удивилась Калли.

* * *

На следующий день после встречи с человеком волчица и два ее поджарых спутника вернулись в стаю. Навстречу им, неуклюже переваливаясь и натывая друг на друга, выбежали четверо волчат, родившихся весной. Они окружили волчицу и принялись требовательно лизать ее морду. Волчица срыгнула съеденное мясо, полученное от человека, и с одобрением глядела, как едят щенки. Ее влажный нос ткнулся в одного из них, и в ответ на ласку малыш игриво вцепился в ее ухо острыми зубками.

Чувство, которое овладело волчицей при виде чужих щенков, нельзя было назвать любовью, – скорее, гордостью за возложенный на нее долг. Стая росла и крепла. Здоровые, упитанные волчата были залогом долгой жизни стаи.

Волчица вспомнила о человеке, бросившем ей мясо. Кроме страха она уловила в его лице что-то еще, странным образом притягательное. Волки делили всех живых существ на охотников и жертв. Последние дрались за свою жизнь с тупой суровостью – даже разъяренный лось, готовясь к схватке, смотрел холодно и упрямо из-под наставленных рогов. Волкам были неведомы другие эмоции, кроме враждебности или страха. Но в лице того человека читались такие сильные чувства, что волчица без труда ощутила их, хотя распознать

не могла. Когда человек бросил ей шмат оленины, волчица испытала примерно то же, что и сейчас, когда она сама предлагала еду волчатам.

Человек проявлял заботу.

Невдалеке показалась мать щенков – главная самка стаи. Про себя волчица называла доминантную самку Гарь – называла, конечно, не словом: то было смутное представление, сложившееся из вкусов и запахов. В прошлом году, когда главная самка срыгивала частично переваренное мясо для недавно родившихся волчицы и ее братьев, от него исходил тот же запах дыма, что и от людей. Должно быть, мясо, которое съела Гарь и потом срыгнула для волчат, было жареным – запах от него не выветривался еще очень долго.

Гарь шла прямо на волчицу, не спуская с нее глаз, и это настораживало стаю. Волчица понимала, что ей положено склонить голову перед главной самкой, но что-то ее удерживало. Она стояла, не шевелясь, слегка вздернув хвост. Гарь подошла к ней и обнюхала. Волчице грозило суровое наказание за дерзость, однако она не поддавалась страху. Гарь с вызовом ткнула мордой в ее плечо.

Волчица, будто только сейчас вспомнив о своей молодости и неопытности, съежилась и поджала хвост, коснувшись его кончиком брюха. Быстро заморгав, она лизнула Гарь в нос.

Суровый пристальный взгляд и глухое рычание – вот чем отделалась волчица на этот раз. Однако вся стая наблюдала за ее дерзкой выходкой. Да, волчица была молода и неопытна, но еще она была здорова, полна сил и крупна – даже крупнее вожака стаи.

Стая чувствовала – назревает схватка.

7

Коко, скрестив руки на груди, вышла навстречу девушкам, несущим полные охапки свежей травы.

– Где вас носило? – напустилась она на них.

Во многих отношениях Коко и Калли – мать и дочь – были похожи. Обе высокие, с крепкими ногами и ягодицами, которые притягивали взгляды мужчин, особенно летом, когда женщины надевали короткие одежды. И хотя ни мать, ни дочь не могли сравниться по красоте с Беллой, они считались весьма привлекательными среди Сородичей. Глаза их обычно смотрели приветливо и с усмешкой, но сейчас Белла даже сделала шаг назад, съежившись под суровым взглядом Коко.

– Мы...

– Смотрите!

Коко вскинула палец в сторону камней, на которых лежали тушки кроликов. Калли и Белла в испуге переглянулись. Из двух тушек осталась только одна.

Белла посмотрела на небо, надеясь разглядеть птицу, похитившую часть их припасов, но Калли знала: ни одна птица не подлетит так близко к костру. Это дело рук человека. Одного из Сородичей.

– Сейчас голод. Нельзя оставлять припасы без присмотра! – выбрала девушек Коко.

Белла тихонько всхлипнула. Коко не обратила на нее внимания – она не сводила глаз с Калли, ожидая объяснений.

Калли же глядела прямо поверх плеча матери. К ним, опираясь на палку, приближалась Альби.

– Что тут такое? – требовательно спросила она.

Коко нехотя объяснила, что пропала одна из двух тушек кролика.

– Надо было спрятать их под камнями! – напустилась Альби на девушек, грозя им пальцем. – Теперь нам вовсе нечего есть!

Белла чуть не расплакалась, но Калли молчала. Она не сводила глаз с Альби – губы и подбородок старухи жирно блестели.

* * *

Сайлекс бежал впереди группы из пятерых охотников. Они трусили вслед за волчьей стаей, держась справа от нее. Охотники не знали, куда направляется стая, они видели только, что животные бежали один за другим, как обычно, когда выслеживали дичь.

Люди тоже бежали гуськом, подражая своим покровителям. Дуро, высокий мощный мужчина на несколько лет старше Сайлекса, вырвался вперед и поравнялся с предводителем.

– Так, значит, берешь в жены Ови, – тяжело дыша, бросил Дуро.

Сайлекс бросил на него косой взгляд. Вечно хмурый Дуро и теперь глядел на него исподлобья. Мощные надбровные дуги, нависшие над темными глазами, придавали ему сходство с Робкими – крупными, но пугливыми человекоподобными существами, которые пускались наутек при виде Волколюдей. Взгляды двух мужчин встретились, и Сайлекс понял, что Дуро в еще более дурном настроении, чем обычно.

– Так пожелал мой отец перед смертью, – ровным тоном ответил Сайлекс. Несколько дней назад Волколюди похоронили старого вождя, уложив рядом с телом наконечники копий и медвежий зуб. После этого Дуро стал вести себя вызывающе, и Сайлекс догадывался, почему.

– Твой отец умер.

Сайлекс прибавил ходу, однако Дуро не отставал. Сайлекс гордился своим умением бежать, чуть касаясь земли, подобно волку. Дуро ступал куда тяжелей.

– Ови – пышная женщина. Широкие бедра. Большие груди. У нее будет много детей, – пропыхтел на бегу Дуро.

Внезапно Сайлекс подал знак остановиться. Охотники встали как вкопанные, и только Дуро, застигнутый врасплох, пробежал еще несколько шагов и сконфуженно вернулся к остальным.

– Мы упустили стаю из виду, – пояснил Сайлекс окружившим его охотникам, велел им разбиться на пары и отправиться на поиски стаи. Он остался наедине с Дуро. – Так о чем ты говорил?

– У Ови широкая кость. Как у меня. И она выше других женщин. – Дуро уперся руками в бедра. Он запыхался, тщетно пытаясь не подавать виду.

– Это так.

– У нее большие груди.

– Кажется, для тебя это очень важно, – мягко заметил Сайлекс.

Дуро оскалился.

– Я выше тебя и сильнее.

– Отец сделал вожаком меня, и я совершаю подношения нашим покровителям.

– Твой отец умер.

– Ты уже это говорил.

– Ты мальчишка, вот что. Волки дерутся за самую крупную самку, – не унимался Дуро.

Сайлекс вздохнул.

– Помнишь слова моего отца? Мы не всегда и не во всем должны походить на волков. Разве ты стал бы срыгивать еду для своих детей?

– Твой отец... – презрительно начал Дуро.

– Мертв, – прервал его Сайлекс. – Я помню.

Охотники, посланные на розыски, вернулись. Им не удалось найти след волчьей стаи – Сайлекс понял это по выражению их лиц, зато двое юношей видели кое-что другое.

– Сородичи. – Один из юношей махнул рукой в сторону некрутого взгорья. – Охотники.

Сайлекс задумался. Как правило, Сородичи охотились большими группами, численность которых превосходила отряд Волколюдей в несколько раз.

– Ну что? – насмешливо бросил Дуро. – Бросимся наутек? Или покажем Сородичам, как мы расправляемся с теми, кто без спросу заходит на наш берег?

Охотники, ошеломленные такой наглостью, в изумлении уставились на Дуро, однако Сайлекс, пропустив оскорбление мимо ушей, придал лицу задумчивое выражение.

– Нет, мы поступим иначе, – наконец промолвил он. – Мы поступим, как волки: проследим за ними, пока охотимся.

И, не дожидаясь одобрения остальных, Сайлекс направился в ту сторону, куда, по его мнению, ушла волчья стая.

– Когда я стану вождем племени, – прошипел Дуро, – я убью всякого, кто осмелится зайти на нашу землю!

* * *

Охота была удачной, и в воздухе разлился сладкий, дурманящий аромат крови. На земле валялись изглоданные останки двух молодых лосей. Вокруг резвились и играли с волчатами сытые волки, время от времени соприкасаясь друг с другом носами.

Гарь, главная самка, куда-то подевалась: из-за густого духа свежей крови ее запах был едва уловим. Возможно, именно этим объяснялось веселое оживление, охватившее стаю:

в отсутствие Гари, чья враждебность росла с каждым днем, волки чувствовали себя непри-
нужденнее.

Гарь уже не раз ни с того ни с сего набрасывалась на волчицу, но та безропотно сно-
сила обиды. Ради порядка в стае. Смирение, которое она выказывала, действовало на других
волков успокаивающе.

Волки один за другим свернулись клубочком, чтобы вздремнуть на сытый желудок,
и волчица отправилась на поиски своих товарищей, с которыми теперь была неразлучна.
Она бежала по густолесью, перебираясь через мокрые от дождя буреломы. И как раз изящно
перемахнула через ствол поваленного дерева, когда на нее набросилась Гарь, полоснув клы-
ками по груди.

Главная самка ударила подло, исподтишка, укрывшись с подветренной стороны пова-
ленного дерева и зорко следя за приближением молодой соперницы. Волчица взметнулась
на задние лапы, и самки с устрашающим рычанием сцепились в клубок. В давно назревав-
шей краткой, но ожесточенной схватке за превосходство решалась их дальнейшая судьба.

Внезапно молодая волчица опустила на все четыре лапы и бросилась наутек. Эту
схватку она проиграла. Волчица была крупнее и сильнее, чем Гарь, но ей не доставало опыта,
и, кроме того, она была слишком юна, чтобы возглавить стаю в паре с вожаком.

Она знала, что в будущем ей суждено дать потомство, что ее сильные, крупные щенки
будут нужны стае. Поэтому Гарь и накинулась на нее – она защищала себя, свое потомство
и свое доминирующее положение. Несмотря на горячее желание вернуться в стаю, волчица
удалялась все дальше и дальше. Она чувствовала, что должна оставить тот уклад жизни,
который взрастил ее – ради блага остальных. Так распорядилась судьба.

Не в состоянии предусматривать трудности, волчица, тем не менее, чувствовала силь-
ное беспокойство, словно над ней нависла опасность. Требовалось как можно скорее раздо-
бить пищу, – не потому, что ей грозил голод – она только что поела, – а потому, что была
малоопытна и одинока.

Волчица подбежала напиться к ручью. Запахи стаи, оставшейся далеко позади, унесло
ветром, а скорой добычей в воздухе не пахло. Безотчетно желая сохранить силы, волчица
шагнула в прохладную тень и, примяв вокруг себя траву, улеглась на послеполуденный
отдых.

Однако долго спать ей не пришлось: почуяв знакомый запах, она вскинула голову и
выжидающе взглядела вперед.

Из-за деревьев вышли оба ее собрата, решившие разделить с ней свою судьбу.

8

Пустой суп, съеденный Сородичами два дня назад, не мог утолить голода, и охотничий отряд, все двадцать мужчин, спешно отправился на равнину в поисках добычи. Охотники надсадно дышали, особенно те, кто останавливались и разминали сведенные судорогой ноги, а потом нагоняли товарищей.

Харди, старший ловчий, охотился в этих местах уже много лет и не помнил такого голода. Несколько лет назад они вернулись бы с охоты в тот же день, волоча туши убитых оленей или лосей. Теперь же им придется перейти на другой берег реки, где жили Волколюди. Впрочем, Харди не опасался возможной стычки: копы Сородичей наверняка отпугнут противников, которые, как и Робкие, не отличались отвагой.

Харди бежал, слегка покачиваясь из стороны в сторону и прихрамывая на левую ногу. Нога беспокоила его всю жизнь, но Харди никому и словом не обмолвился. От быстрого бега колено болело так, будто в сустав с каждым шагом вонзался наконечник копы, однако Харди не сбавлял ходу. Племя голодает, и старший ловчий обязан добыть еду. Его легенда рассказывала о крепком, сильном мужчине, неутомимом охотнике, и он скорее умрет, чем ее опровергнет.

Справа от Харди легким пружинящим шагом бежал Урс, Вент – Авентус, или «тот, кто быстрее и крепче ветра», – держался с левого боку. Выносливость Урса поражала: он мог бежать часами и после этого уверенной рукой метнуть копьё, попав точно в цель. Немного позади тяжело бежал Пэллок, изо всех сил стараясь не отставать.

Громкое пыхтение Пэллока раздражало Харди. Неужели этот дурак не понимает, что всем тяжело и все устали?

Харди сделал знак, что хочет остаться с Урсом один на один.

– В чем дело? – негромко спросил Харди. – Ты сегодня целый день вздыхаешь, как женщина.

Урс виновато развел руками.

– Мы могли бы выслать вперед следопытов, чтобы скорей найти добычу, – ответил он, стараясь говорить как можно почтительней.

– Нет, – отрезал Харди.

– Они могли бы исследовать...

– Нет, я сказал, – повторил ловчий.

Урс разочарованно промолчал.

После полудня охотники едва не падали с ног от усталости. Старший ловчий, часто устраивая привалы, вывел отряд назад к реке, чтобы люди напились и отдохнули. Стоило Урсу остановиться, как у него начиналось головокружение, а ноги дрожали и подкашивались. Охотники перешли на шаг: Харди вывел их на открытое пространство, где они разбрелись веером и теперь ступали осторожнее, прислушиваясь к шорохам, – на равнине они были куда более уязвимы для хищников, чем в лесу. Охотники то отдалялись от реки, то возвращались к ней, прочесывая высокие травы на земле Волколюдей.

Сородичи спугнули стадо оленей, и животные заматались в панике, подняв облака пыли. Охотники, ломая строй, с криками ринулись вперед.

Урс не отставал от других, краем глаза наблюдая за Харди. Старший ловчий, дожидаясь, когда суматоха уляжется, не отводил взгляда от здорового самца, бегущего по правому краю. Беспорядочное бегство спасало оленей от четвероногих хищников: уходя от нападения в одном направлении, молодые и слабые животные непременно отбились бы от стада, но при хаотичном метании из стороны в сторону отрезать от стада больных и слабых было сложнее, и хищники зачастую налетали на смертоносные рога взрослых оленей.

Другое дело люди. Их не удавалось сбить с толку, и самец, бежавший по правому краю, представлял собой отличную цель для старшего ловчего. Урс метнул копьё вслед за Харди. Ему повезло больше: копьё глубоко вонзилось в переднюю ногу животного, тогда как копьё ловчего всего лишь оцарапало круп.

Охотники ранили еще одного оленя и бросились за ним, чтобы добить. Урс кинулся следом за остальными, но Харди жестом остановил его.

– Жди здесь, – велел он.

Урс подчинился, хотя ему не терпелось присоединиться к погоне за подранком. Харди, замерев, пристально всматривался в простирающуюся перед ним равнину.

Пэллок, в числе прочих помчавшийся за раненым оленем, обернулся. С удивлением обнаружив, что Урс и старший ловчий неподвижно стоят на прежнем месте, он растерялся и замедлил бег. Затем, решив, что старший копейщик обязан быть рядом с ловчим, повернул назад, с трудом переводя дыхание.

– Почему ты... – начал он, обращаясь к Харди, однако тот резким жестом оборвал его на полуслове.

Они собрали копьё, второпях брошенные охотниками, и двинулись в путь.

Идти пришлось добрых полдня. Пэллок, встретившись глазами с Урсом, с облегчением заметил, что тот, как и сам Пэллок, теряет в догадках. Кустарники поредели, и Харди подал знак двигаться медленно и бесшумно.

Добыча Сородичей попала в лапы молодого льва, который, урча, лакомился ею, не замечая приближения людей. Еще полуживой олень лежал на боку, закатив глаза, подернутые предсмертной поволокой.

Харди велел охотникам пригнуться к земле.

– Лев не даст себя окружить, – зашептал он. – Я нападу спереди. Ты, Урс, ударишь справа. Ты, копейщик, – слева. Ни звука, пока не услышите мой крик. Копья не бросать! Надо пронзить его, если спугнуть не удастся. Если сбежит, то становимся плечом к плечу, держим копьё наготове и ждем остальных. – Харди, сощурившись, глянул на солнце. – Ждать нельзя, иначе эта тварь сожрет нашу добычу.

Мужчины кивнули друг другу. Пэллок с удовлетворением отметил перепуганный взгляд Урса; впрочем, старший копейщик и сам был в ужасе. Слыханное ли дело – напасть на льва! Страшные окровавленные челюсти с силой разрывали оленьи кишки. Молодой лев был крупней и длиннее взрослого мужчины. Вздумай он отстоять добычу, один взмах его когтистой лапы распорет смельчаку живот.

Зря они это затеяли!.. Пэллок раскрыл рот, повернувшись к Харди. Надо еще раз все обсудить!

– Ладно, – бросил Харди. – Вперед.

Мужчины выпрямились во весь рост, и лев повернул к ним огромную косматую голову.

* * *

Среди Сородичей ходила поговорка, что лицо Харди вытесано из камня. Глубокий шрам под левым глазом действительно походил на след от резца, а невозмутимый нрав ловчего в тяжелые дни сдерживал распри между обозленными охотниками. Однако это не означало, что старший ловчий не знал страха.

Харди с ужасом следил, как чудовищные клыки кромсают подбитого Сородичами оленя. Он может умереть сегодня, сейчас – ведь рядом с ним только Урс и Пэллок. Тем не менее страх как никогда обострил все чувства: ноги надежно стояли на земле, рука крепко сжимала древко, словно собиралась его переломить. Сородичам нужна еда. Это наш олень!

Харди помчался прямо на льва.

Урс замешкался. Если им и впрямь предстоит схватиться со львом, нельзя действовать с наскока. Он чуть не вскричал: «Подождите!», но спохватился: старший ловчий со всех ног понесся на хищника, а он, Урс, отстал. Урс пробежал шагов двадцать вперед и взял вправо, прикидывая, с какого расстояния напасть на льва, который даже не глядел в его сторону: злобный взгляд его глаз был прикован к Харди.

До льва оставалось каких-нибудь сто шагов. Урс быстро поравнялся с ловчим и, взглянув влево, туда, где должен был находиться Пэллок, опешил: старший копейщик сильно отстал.

Лев припал передними лапами к земле и оскалил зубы. Его зрачки почернели. Он не собирався отступать перед людьми. Харди понял: схватка неизбежна.

Он вскинул копье и закричал, всем сердцем ненавидя эту лютую тварь.

Хищник понесся на ловчего, вскочил на задние лапы и оцарапал ему грудь в тот самый момент, когда копье Харди, пролетев мимо, уткнулось в оленью тушу. Харди пошатнулся. Урс, бежавший в двадцати шагах позади него, припустил быстрее. Его глаза округлились, когда лев сомкнул челюсти вокруг головы Харди. Раздался треск разрываемой кожи.

Урс заорал не своим голосом, опустил копье и с разбегу вогнал его льву в шею, всем весом налегая на древко. От столкновения Урса бросило на землю. Из раны на шее животного фонтаном захлестала кровь. Взревев от боли, лев отпустил Харди и дернулся в сторону, вырвав древко из рук Урса. Хищник с воем изгибался, пытаясь зубами дотянуться до древка и выдернуть его из шеи. Урс наклонился за копьем Харди, воткнувшись в оленью тушу, и, когда лев прыгнул в его сторону, метнул копье. Оно вошло прямо между ребер, каменный наконечник проткнул сердце, и мертвый лев рухнул у ног охотника.

На миг воцарилась полная тишина, только кровь бешено стучала в висках Урса. Вдруг раздался неясный шум. Урс вскинул голову: вдали на пригорке сгруппировались охотники, Сородичи, размахивали руками и что-то ликуяще ему кричали. Не умолкая, они сбежали вниз. Урс опустил на колени, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

Пэллок добрался до места сражения одновременно с остальными. Все хотели обнять Урса, похлопать его по спине; никто и не посмотрел в сторону Пэллока, старшего копейщика. Пэллок, тяжело дыша, стоял посреди шумной толпы, словно невидимка, и раздосадованно кривил рот.

Два брата Беллы склонились над Харди, который громко стонал, не разлепляя глаз. Страшная рана на его голове сочилась ярко-красной кровью.

* * *

Волчица и ее спутники голодали седьмой день. В поисках пищи они забрели далеко в глубь равнины, куда никогда еще не отваживались заходить, и чувствовали себя незащищенными на открытом пространстве. Охота по-прежнему не складывалась.

Ища друг у друга поддержки, они соприкасались носами, измазанными в грязи: весь день напролет волки безрезультатно разрывали кроличьи норы, привлеченные запахом зверьков. Добыча, в жилах которой текла горячая кровь, затаилась глубоко под землей и не показывалась. Волки без усталости работали лапами, но все напрасно. Волчица чувствовала, как ослабели ее спутники. Даже в том, как они дышали, сквозило изнеможение.

Солнце высоко стояло в небе, воздух был сух и неподвижен. Внезапно волчица замерла и дернула ноздрями. Ее спутники завиляли хвостами и подбежали ближе, обнюхивая друг друга. Лось. Где-то там, впереди.

Подхлестываемые голодом, волки стремглав бросились вверх по склону холма. С той стороны у подножия мирно паслось целое стадо лосей.

Волки просчитались: взрослые лоси, разомлевшие от жары, мигом очнулись, как только заметили приближение хищников. Пока самки и детеныши в панике метались по кругу, самцы сомкнули ряды, выставив смертоносные рога.

Волчица заскулила от досады. Стена оленьих рогов выглядела неприступной. Напрасно волки, оскалившись и припадая к земле, пытались найти брешь в их рядах: лоси держались бок о бок и, не поддаваясь панике, разом бросались на непрошенных гостей. Волки отпрянули и отбежали подальше. Стадо, укрывшееся за спинами грозных самцов, вновь принялось невозмутимо щипать траву, позабыв о нависшей опасности.

Молодым волкам доводилось охотиться вместе со стаей, однако им не доставало опыта, чтобы отогнать телка от матери или проскользнуть мимо ветвистых рогов взрослых самцов.

Будущим отцом своих щенков волчица считала более крупного из сопровождавших ее собратьев, хотя даже он уступал ей в размерах. Другой волк приходился волчице братом. Волки из одного помета нередко образовывали пары, просто Брат был слишком мал для нее. Волчица понимала, что придет время и она родит щенков от Спутника. Брат это чувствовал, однако не спешил отправляться на поиски другой самки – все они были еще слишком молоды.

Соблазнительный запах лосенка, укрывшегося за спинами грозных самцов, щеко-тал волкам ноздри. Охотничий инстинкт подсказывал им разделить: волчица метнулась вправо, Спутник остался на месте, вертясь и щелкая зубами перед мордами взрослых лосей, отвлекая их внимание, а Брат ушел влево и скрылся в зарослях.

Огромный старый лось, мудрый и опытный, пристально следил за волчицей. Ее маневр не удался, и мощные рога едва не вскинули волчицу в воздух. Она увернулась и с негодующим рычанием отбежала в сторону.

Внезапно раздался надсадный скулеж. Брат попал в беду: огромный лось боднул неопытного волка в бок, и Брат, подволакивая лапу, ринулся наутек, не глядя на своих товарищей.

Поравнявшись с Братом, волчица увидела его истекающие кровью бока и переломанные ребра. Ослепленный болью, он бессознательно отправился на поиски стаи, под защиту соплеменников.

Спутник нагнал Волчицу; они остановились и соприкоснулись носами. Брат уходил все дальше и дальше, ни разу не обернувшись.

Лосиное стадо как ни в чем не бывало продолжало мирно пастись на склоне.

Изнуренная неудачной охотой, волчица растянулась в пыли. Спутник, ища у нее поддержки, свернулся рядом.

Они уснули с пониманием того, что им грозит голодная смерть.

9

Дрои, жена Харди, стояла на коленях перед распростертым на земле мужем. Она не отходила от него ни на шаг, смазывая целебной смесью его раны, как велела ей знахарка Софо.

Особенно тщательно Дрои ухаживала за ранами на голове, однако ей было ясно, что с мужем произошло непоправимое: стоило ему разлепить веки, как глаза начинали слезиться, и он почти всегда держал их закрытыми. Из уголка губ тонкой струей текла слюна, а когда Харди пытался что-то сказать, у него выходило какое-то невнятное бормотание, словно он держал себя пальцами за язык. Старая рана, рубец под левым глазом, давно беспокоившая Дрои, казалась сущим пустяком в сравнении со страшными царапинами по всему лицу.

– Муж, ты не спишь? – спросила Дрои. В ее легенде говорилось о густых и красивых длинных волосах, которые Дрои собирала в хвост на затылке и перехватывала кожаным шнурком, как остальные женщины ее возраста.

– Сплю, – прохрипел Харди, задвигая под веком левым глазом.

– Тебе больно?

Старший ловчий вздохнул. Каждый день один и тот же вопрос. Дрои задает его столько раз, сколько пальцев у нее на руках. Что ей сказать? Конечно, больно. Лев чуть не откусил ему голову.

– Все будет хорошо, – сказал он. – Оставь меня.

На Дрои упала тень. Она обернулась, и заботливое выражение слетело с ее лица.

– Отойди, – велела Альби.

Дрои со свистом набрала воздуха, однако встала, гордо вскинула голову и удалилась, не удостоив Старейшину взглядом.

Альби посмотрела ей вслед, затем присела на корточки возле Харди.

– Ты больше не сможешь охотиться, – сухо сказала Альби. – Ты почти ничего не видишь и не можешь бросить копье.

– Я уже лучше вижу, – прошамкал Харди.

– Что ты говоришь?

– Я стал лучше видеть.

– Ты говоришь так, будто отморозил себе язык и губы. Ничего не понятно.

Харди молчал.

– Значит, ты стал лучше видеть? Так, по-твоему? – Альби замахнулась, как для пощечины, и старший ловчий дернулся, когда увидел ее ладонь прямо перед глазами. – Врешь, ты ничего не видишь. Скоро придут холода. Мы умрем с голоду, если отправимся на зимнюю стоянку без ловчего.

Харди закричал.

– Ловчим должен стать мой сын, – продолжала Альби. – Он повел охотников на поиски добычи, и они вернулись с оленем.

– Пэллок...

– Да. Ты должен сделать его старшим ловчим. Ради меня.

Харди не отвечал. Его лицо окаменело от ярости.

– К кому ты идешь, когда ночь холодна, а постель твоей жены еще холодней? Кому ты нужен теперь, когда ты изувечен, когда твое лицо – кровавое месиво, а глаза слепы? Вы, мужчины, считаете, что вольны ходить по вдовам, когда вам вздумается, но теперь тебя никто не примет. Кроме меня.

Харди глубоко вздохнул.

– Значит, решено. – Альби протянула руку и отбросила волчьи шкуры, прикрывавшие старшего ловчего.

Харди обратился к ней свое страшное лицо. Его уродство не смущало Альби. Так даже лучше: теперь ему не к кому идти. Грубо схватив мужчину за бедро, она со смехом бросила:

– Я вижу, ниже пояса ты цел и невредим.

Год девятнадцатый

Мать-волчица открыла глаза. Щенки, плотно сбившись в кучу, лежали рядом: они насытились и уснули, пока мать нежно вылизывала их языком.

В пещеру вернулся человек: покряхтел, пролезая в расселину, и тяжело спрыгнул на землю.

Волчица вздохнула. Боль в боку утихла, однако любое движение причиняло жестокие страдания.

Человек принес пищи и воды. Теперь всякий раз, когда он появлялся в логове, волчицу охватывало теплое чувство. Щенки тоже ощущали присутствие человека, но их мать не выказывала беспокойства, а значит, и им нечего было волноваться. И хотя огонь, вспыхивающий поблизости, по-прежнему пугал, волчица научилась мириться и с этим. Сама она прокормиться не могла, а человек ее кормил.

Любовь, переполнявшая мать при виде сосущих молоко волчат, распространилась и на человека, который приносил ей мясо. Благодаря ему волчата были живы.

Желтые отблески пламени скользнули по стенам, и из-за выступа показалась голова человека. Волчица в нетерпении забила хвостом об землю, предвкушая, как вонзят зубы в мясо, запах которого щекотал ей ноздри.

– Что, проголодалась? – негромко спросил человек.

Волчица не чувствовала угрозы в бессмысленных звуках и, когда человек приблизился, еще пуще замахала хвостом и приподняла голову.

– Вот, держи. – С этими словами он протянул ей сочный шмат мяса. Волчица слизала его языком и проглотила почти не жуя, неотрывно следя, как человек вытаскивал все новые куски из кожаной котомки, лежащей у его ног. Некоторое время тишину пещеры нарушало лишь жадное чавканье волчицы и попискивание щенков. Наконец, когда ладонь человека опустела, волчица облизала его вымазанные в крови пальцы, а он ласково коснулся ее лба. В ответ волчица замахала хвостом и снова лизнула его ладонь, очень бережно, словно одного из своих щенков.

С того дня человек стал ее гладить, а она в ответ облизывала его ладони. Когда он впервые взял на руки одного из щенков, она настороженно следила за ним, однако руки человека хранили ее запах, и щенки не боялись, даже когда он подносил их к лицу и касался губами их шерстки.

– Славные малыши... Как же мне быть с вами, когда вы подрастете? – Его лишенный враждебности взгляд упал на волчицу. – Ты не умрешь, покуда не выкормишь волчат. Ты самоотверженная мать. Я не стану убивать их, пока ты не умрешь.

Теперь от волчат пахло человеком. Мать не стала их умывать. Запах человека действовал на нее умиротворяюще и оттого был приятен и волчатам.

Ее волчата живы. Они вырастут сильными и здоровыми и укрепят стаю.

И все это благодаря человеку.

Год первый

Калли сидела на берегу ручья, опустив ноги в воду. Дни стояли засушливые, и ручей обмелел, зато вода в нем прогрелась, чего не случалось раньше. Белла присела рядом с подругой и с плеском окунула ноги в ручей.

– Скоро мы отправимся на зимнюю стоянку, – сказала она, с удовольствием болтая ногами в воде.

Калли промолчала, глядя в безоблачное небо. В воздухе пахло летними травами и цветами, согретыми солнцем.

– Еще не скоро, – наконец ответила она, – хотя времени осталось не так уж и много.

– На зимней стоянке празднуют свадьбы, – продолжала Белла. Пожалуй, это было самое долгожданное событие, связанное с холодным временем года.

Калли зарделась. Она до сих пор не рассказала подруге про Урса.

– Как ты думаешь, почему Альби уже несколько зим подряд не назначала свадеб? Она нам завидует, потому что мы молоды? – Белла рассеянно провела рукой по своим блестящим волосам.

– Нет. Альби откладывает свадебный обряд для того же, для чего моя мать снимает жир с похлебки, – чтобы использовать его, когда потребуется.

Прекрасное лицо Беллы выражало полное непонимание. Калли вздохнула.

– Все девушки старше пятнадцати лет мечтают о муже. Альби это знает и нарочно откладывает свадебный обряд – чтобы прибрать нас к рукам. Никто из женщин не осмелится ей перечить.

– Значит, я и этой зимой не выйду замуж? – огорченно протянула Белла.

– Думаю, что для тебя, меня и Рене совет женщин точно выберет мужа. Поглядывай, приходит ли Альби пошутиться с твоей матерью. Что до меня, то мне ни один из Сородичей не по сердцу, – соврала Калли.

Белла рассмеялась. Она видела подругу насквозь: во всем племени не нашлось бы девушки, которая не хотела бы вырваться из-под материнской опеки и завести семью.

– Белла! – раздался голос неподалеку.

Девушки, вздрогнув, обернулись. Адор, мать Беллы, чья легенда гласила о горячем любящем сердце, стремительным шагом приближалась к ручью. Лицо ее было непроницаемо.

– Белла. Немедленно иди сюда. У меня срочное дело.

* * *

Сайлекс оглядел сопровождавших его охотников и, повернувшись к своему лучшему другу Бракху, торжествующе улыбнулся. Олени, пасущиеся в двадцати шагах, насторожились, почуяв опасность, и сгруппировались в кучу, гребя копытами о землю.

Сайлекс выпрямился. Пора.

Зажав в каждой руке по копью, охотники бросились наперерез оленям, прицеливаясь на бегу. Копья взлетели в воздух. Один олень упал как подкошенный, еще двоих ранило в бок, и они в смятении ускакали прочь.

Сайлекс кивнул, и охотники разделились на две группы по двое: один что было духу бежал за подранком, другой издали следил за ним и берег силы, чтобы, когда животное повернет назад, прикончить его одним точным броском копья.

Сайлекс остался наедине с Дуро, который вот уже несколько дней хранил молчание, только бросал на него хмурые взгляды, как обиженный ребенок.

Вблизи Дуро казался еще крупнее и угрожающе нависал над Сайлексом, угрюмо сдвинув косматые брови, которые придавали лицу звериное выражение. Сайлекс копьём добил оленя и подавил вздох, чувствуя, как Дуро буравит его взглядом.

– Ты хочешь мне что-то сказать? – тихо проговорил Сайлекс.

– Покончим с этим раз и навсегда, – прохрипел Дуро. – Ови будет моей, а я стану вожаком. Твой отец потерял власть, еще когда заболел и впал в детство.

Сайлекс обернулся и поднял глаза на противника. Дуро перекошило от кипевшей в нем ярости. Он намеренно оскорбил память старого вождя, рассчитывая разозлить Сайлекса.

– Ты бросаешь мне вызов, друг мой Дуро? – спросил Сайлекс.

– Да!

В руке у Сайлекса, как и у Дуро, лежало копье. Встав лицом к лицу с противником, Сайлекс медленно приподнял древко, так что острый каменный наконечник коснулся живота Дуро. Тот мигом побледнел и застыл, боясь пошевелинуться.

– Ты, я уверен, знаешь, что тому, кто бросит вызов вожаку, грозит беспощадная расправа.

Дуро судорожно глотнул воздуха, уставившись на копье.

– Отец всегда говорил, что во главе стаи стоит не самый сильный, а самый умный волк, – продолжал Сайлекс. – Ты все равно хочешь почувствовать острие моего копья и узнать, кто из нас возглавит племя?

Нет, Дуро этого не хотелось.

– Я не подумал, что... – хрипло зашептал он и запнулся: наконечник прижался к его животу еще тесней.

– Верно, не подумал. Но разве мы хотим, чтобы Волколюди шли за тем, кто не думает?

Дуро облизал губы. Сайлекс опустил копье и развел руками.

– Если хочешь сместить меня, давай спросим мнения племени. Я не буду стоять у тебя на пути.

– А Ови? – спросил Дуро, к которому вернулся голос. – Я хочу быть вожаком, раз. И я хочу взять твою сестру в жены, два. И мне все равно, что говорил твой отец.

– Я должен чтить его волю.

– Но я хочу забрать твою сестру себе, – запротестовал Дуро.

Сайлекс окинул его долгим взглядом.

– Что ж, – произнес он, – это осложняет дело.

10

Озадаченная странным поведением Адор, Калли отправилась на поиски собственной матери и отыскала ее в зарослях тростника на заболоченном берегу выше по течению ручья. Волосы Коко были собраны на затылке и перехвачены безыскусным шнурком, как и у всех женщин ее поколения, тогда как ровесницы Калли предпочитали заплетать волосы в косу. Сгорбленная над тростником Коко то и дело смахивала с лица падающие на лоб пряди, выбившиеся из-под ослабшего узла, и выглядела постаревшей и изможденной.

Калли стояла на пороге больших перемен – она знала, что свадьба с Урсом перевернет всю ее жизнь, однако сейчас, увидев мать, ей захотелось снова быть маленькой и играть у ног Коко, пока та выкапывает съедобные корни.

Коко ничего не знала о том, что происходит в лагере. Хуже того – она велела дочери помочь ей собирать корни, и они целый день провели в трудах, тогда как в лагере разворачивались судьбоносные события. Калли чуть не плакала от досады.

Перед самым заходом солнца Калли и Коко, нагруженные корнями, тщательно отмытыми в ручье, вернулись в лагерь. Белла, которая в беспокойстве расхаживала взад-вперед, наконец завидев подругу, метнулась к ней навстречу.

Как и следовало ожидать, Коко велела дочери отнести корни к главному костру и засыпать их угольями и только потом позволила дочери отдохнуть. Белла тут же схватила подругу за руку и потащила за собой.

Они ушли на женскую сторону лагеря и укрылись в густой тени, куда не дотягивались отсветы костров.

– Что стряслось? Что-то с Альби? – зашептала Калли.

Белла чуть не прыгала от волнения.

– Альби? Да нет, что ей сделается-то, но она страшно злится.

– Злится?

– Ох, даже не знаю, с чего начать... Где ты была целый день?

Оттуда, где стояли они с Беллой, поселение было как на ладони. Охотники собрались на мужской стороне и, усевшись в круг, держали совет. Калли разглядела несколько лиц, однако большинство мужчин сидели спиной к ней. Солнце скрылось, и по лагерю пролегли длинные тени. Женщины, которые в этот час обычно помогали Коко хлопотать у главного костра, куда-то подевались, наверное, тоже уединились с подругами. Интересно, что все обсуждают?

– Маме помогала, – ответила Калли, не в силах скрыть досаду.

– Столько всего случилось!

– Не томи!

Белла хлопнула в ладоши.

– Харди созвал совет охотников.

Калли поняла, что ее ждет долгий рассказ: Белле нравилось находиться в центре внимания.

– Он сказал, что не может быть старшим ловчим. Плохо видит. Об этом все знали, – продолжила Белла. – Угадай, кто займет его место?

Калли наморщила лоб. Почему Белла так радуется? Ловчим стал один из ее братьев? Все они были крепкие, ловкие парни, но ни один из них, даже Марс, старший следопыт, не мог бы повести людей за собой, а ведь это качество, совершенно необходимое ловчему. Другой ее брат, Лукс, боялся темноты, хотя при свете дня был неутомимым охотником, как утверждала его легенда. Пятеро братьев Беллы всегда голосовали согласованно, но Калли не верилось, что они могли предложить на место ловчего кого-то из своих.

– Ну же, угадай, – настаивала Белла.

Калли взглянула на подругу, которую распирало от самодовольства, и с трудом сдержала приступ раздражения.

– Ну и кто же?

– Урс.

У Калли перехватило дыхание.

– Братья сказали, что он лучший из охотников. И отец так сказал. И Харди.

У Калли заколотилось сердце. Что это значит? Со старшим ловчим все считаются, даже если он молод, как Урс. Если Урс объявит, что намерен взять Калли в жены, разве Альби осмелится ему перечить? Конечно, подобные вопросы решал женский совет, однако вряд ли кто-нибудь станет возражать против брака Урса и Калли, уж точно не теперь, когда Урс сделался старшим ловчим.

– Чудесная новость, – выдохнула Калли.

– Еще бы! – выкрикнула Белла и закружилась на одном месте. Калли с теплотой смотрела на подругу. Ей всегда казалось, что Белла не слишком наблюдательна, однако не исключено, что они с Урсом вели себя не очень осторожно. Должно быть, Белла подумала о том же: теперь Альби не сможет разлучить Калли с Урсом.

И они поженятся.

– А сейчас самое главное! – нараспев произнесла Белла.

– Что? – Калли сморгнула, очнувшись от грез наяву.

– Самое главное, Калли, самая расчудесная, счастливая новость – для всех на свете: для неба, для реки, для всех Сородичей...

– Да не томи же, – взмолилась Калли, сбитая с толку.

Глаза Беллы ярко сверкали в спустившихся сумерках.

– Моя семья поддержала Урса, и теперь все решено!

– Что решено? – спросила Калли, и сердце у нее тревожно сжалось.

– Урс берет меня в жены!

* * *

В воздухе маняще запахло кровью, и волки застыли как замороженные. Долгое время они перебивались мышами-полевками и насекомыми, но теперь где-то там их ждала крупная добыча. Ослабевшие и мучимые голодом, они побежали на запах, не остановившись даже тогда, когда в воздухе повеяло опасностью, а ноздрей коснулся запах человека.

Вскоре потянуло дымом. Безрассудная погоня за добычей грозила обернуться несчастьем. Решимость Спутника пошла на убыль, он замедлил бег и теперь ступал мягче и осторожней. Запах добычи крепчал, но вместе с ним усиливались и запахи костра. Спутник обеспокоенно заскулил.

Когда запахи крови, костра и человека смешались и заполонили все вокруг, волки, наконец, остановились. Подобраться ближе и тем самым выдать себя людям волки не решались и держались на расстоянии, за деревьями. Острый нюх подсказывал, что впереди у костра сидят несколько человек. Спутник ткнулся носом в скулу волчицы. Они обнюхали друг друга и, покружившись, улеглись спать. Сосущая боль в желудке не позволяла волкам оставить мысли о добыче, однако сил для нападения у них не осталось.

Засыпая, волчица вспомнила о человеке, бросившем ей когда-то кусок мяса; она явственно различила его запах среди десятков других.

* * *

Калли поджидала Урса в их тайном месте, за каменными глыбами, где прежде так маняще колыхались мягкие густые травы. Теперь, в преддверье осени, они иссохли, пожелтели и больше не напоминали мягкий пышный покров, и все-таки, глядя на поляну, Калли не могла не думать об Урсе. Ей живо вспомнилось, как она ласкала его нагретую солнцем спину и как его борода приятно щекотала ей лицо.

Наконец появился Урс – высокий, статный, красивый. Калли показалось, что он ступает с невиданной прежде уверенностью. Как старший ловчий.

– Урс, – вполголоса позвала Калли, нехотя выдав всю глубину охватившей ее тоски.

Урс удивленно взглянул на нее, как будто они не перешептывались украдкой у главного костра, условливаясь о встрече. Впрочем, нет, решила Калли, вид у него, скорее, виноватый.

Больше всего Калли сейчас хотелось, чтобы Урс обнял ее. Она бросилась к нему и уткнулась лицом в его плечо.

– Урс, – чуть слышно проговорила она. – Что же нам делать?

Урс глубоко вздохнул и, обняв Калли за плечи, заглянул ей в глаза. Она плакала. Урс закусил губу.

– Не плачь. Прошу тебя.

– Что же произошло?

Урс покачал головой.

– Я всегда хотел стать старшим ловчим, но даже не мечтал, что это случится так скоро, – промямлил он, глядя вдаль.

– Урс!

Он вздрогнул и перевел взгляд на девушку.

– Для тебя это большая удача, – сказала Калли. – Правда. Когда я узнала, то решила, что теперь мы точно будем вместе, потому что совет женщин ловчему не указ. Ловчий сам волен выбрать себе жену.

Урс не отрывал от нее глаз.

– Поверь, Урс, это правда, – умоляюще повторила Калли. – Мы опасались, что Альби настроит совет женщин против нас. Но теперь ты – старший ловчий. Зимой мы сможем пожениться. Как мы и обещали друг другу.

– Но, – медленно начал Урс, – что скажут братья Беллы?

– Послушай меня, – спешно заговорила Калли. – Все считают, что старшим ловчим должен был стать ты. Все. Не только братья Беллы. Ты убил льва, который напал на Харди. На тебя надеется племя. Кто еще достоин этой чести? Не Пэллок же! Если ты объявишь, что любишь меня, никто слова поперек не скажет. Даже братья Беллы.

Лицо Калли осветилось надеждой.

– А что скажут женщины? – спросил Урс после минутного колебания.

– Если ты объявишь о своем выборе сегодня, сейчас, я поговорю с Альби. Я объясню ей, как навести порядок среди женщин, которые готовы взбунтоваться. Они поднимут крик и шум на совете, но при поддержке Альби мы с матерью их образумим. Поверь, они обожают вмешиваться в чужие дела, теперь всю зиму смогут сплетничать. У нас получится, Урс! Мы будем вместе!

Урс обалдело уставился на Калли.

– Похоже, ты все продумала, – произнес он не самым одобрительным тоном.

– Урс, ты любишь меня? – дрожащим голосом спросила Калли, страшась услышать ответ.

– Да, – твердо сказал Урс. – Я люблю тебя, Калли. Я никогда не смогу полюбить другую.

Калли облегченно выдохнула, уткнувшись ему в грудь, и с трепетом потянулась к нему губами. Вскоре их дыхание участилось, руки переплелись, и страсть захлестнула молодых людей с головой. Они уже много, много дней не встречались в своем укромном месте.

Руки Урса скользнули под тунику девушки и коснулись тугой груди. Калли застонала и подалась навстречу Урсу, желая отдаться ему прямо сейчас, без оглядки. Дрожащими пальцами она стягивала с него набедренную повязку. Когда ей, наконец, это удалось, у нее перехватило дыхание: Урс был готов овладеть ею. Сгорая от желания и не в силах ни о чем думать, Калли опустилась на траву, увлекая за собой Урса. Все произошло стремительно. Калли вся отдалась удовольствию, охватившему ее изнутри, и, когда Урс вскрикнул и задрожал, крепко обхватила его руками. Так и должно быть, подумала Калли. Она любила Урса и хотела быть с ним, как жена хочет быть с мужем.

Калли поглаживала его крепкие мускулы, его стройную спину. Их страсть, подумала Калли, похожа на молнию, а их наслаждение друг другом – на гром: чем ярче вспышка молнии, тем короче и оглушительней раскаты грома, от которых по коже бегут мурашки.

Они распростерлись на траве, едва переводя дыхание. Калли склонилась над Урсом и поцеловала его. Урс смотрел в никуда, как одурманенный.

– Невероятно, – вымолвила Калли. – Я хочу, чтобы это повторялось снова и снова.

– Да, – выдохнул Урс.

– Со мной никогда не было ничего подобного, Урс.

– Я чувствую себя слабым и сильным одновременно.

– Я тоже. Я люблю тебя, Урс. Мне больше никто не нужен. Я люблю тебя и хочу только одного – стать твоей женой.

– Я тоже люблю тебя.

– Тогда мы сделаем все, как я предложила.

– Ладно. Я скажу, что передумал и хочу жениться на тебе.

– Для Сородичей ты теперь старший ловчий, но для меня ты навсегда останешься просто мужчиной, который хорошо владеет копьем, – пошутила Калли.

Они весело рассмеялись и набросили на себя одежды, продрогнув от ветра, который охлаждал потные тела.

11

С последней удачной охоты прошло уже много дней, но у Пэллока оставалось немного мяса, и он жарил его над своим костром, наколов на ветку. Над поселением разносился аппетитный аромат. Когда запасы еды у Сородичей шли на убыль и племя перебивалось тощими супами Коко, жарить мясо, не поделившись с остальными, считалось зазорным, однако Пэллок был в дурном настроении и плевать хотел на то, что подумают о нем другие. Он, не отрываясь, смотрел на пламя, свободной рукой оглаживая бороду, такую же черную, что и у остальных мужчин племени.

– Пэллок? – позвал его женский голос.

Пэллок сощурился, пытаясь разглядеть, кто там прячется в тени. В круг света от костра вошла Рене, и Пэллок что-то буркнул в знак приветствия.

– Как ты? Сердишься? – прошептала она. Тонкая фигура Рене казалась еще более хрупкой, неотличимой от ее собственной тени. Рене осторожно уселась у костра рядом с Пэллоком.

– Ничего подобного, – холодно бросил Пэллок.

– Совет принял неверное решение. Ты старший копейщик. Ты знаешь все про охоту. Это тебя должны были избрать старшим ловчим.

Пэллок не ответил на комплимент, считая, что женщины ничего не смыслят в охоте.

– Урс помолвлен с Беллой, – продолжала Рене. – Значит, ты и Белла не... То есть ходили слухи, будто вы обещаны друг другу. – Рука Рене вскользь коснулась руки Пэллока. – Теперь Белла отдана Урсу, и совет должен подыскать тебе другую жену, – застенчиво шепнула она.

Пэллок хладнокровно взвесил ее слова. Неужели Рене всерьез думала, что Белла станет его женой? Потом он стал размышлять о Рене. Она говорила с ним прямо, не виляя, но ее родители умерли, а значит, ее судьба зависит от совета женщин. А совет женщин славился своей несговорчивостью, когда дело касалось замужества осиротевших девушек. Мужчина, оставшийся без родителей, мог проявить себя на охоте, тогда как осиротевшая девушка была невыгодной партией.

Темные глаза Рене ярко сверкали. Она была очень красива в свете крепнущего пламени. Шею девушки украшала веточка вьюнка, привлекающая взгляд к ложбинке между грудями, что скрывались под туникой из оленьей шкуры. Рене, единственная из всех Сородичей, признавала, как несправедливо обошлись с Пэллоком. Калли и Белла всегда насмехались над ним и вели себя вызывающе, но Рене относилась к нему с большой теплотой.

Ни слова не говоря, Пэллок вытащил из огня обугленную ветку с насаженными на нее жирными кусками мяса и протянул девушке.

Рене затаила дыхание: он ухаживал за ней! На глазах выступили слезы – должно быть, от тонкой струйки дыма, поднимавшейся от горелой ветки. Рене осторожно стащила кусочек мяса, принялась дуть на него, перебрасывая из руки в руку, и наконец осмелилась откусить.

Пэллок смотрел, как она ест, и вдруг, глядя на влажные губы Рене, почувствовал необъяснимую тяжесть в чреслах. Он поднес ветку к зубам, но Рене жестом остановила его, потом наклонилась и протянула ему свой недоеденный кусок мяса.

Пэллок взял его губами, смакуя жирную поджаристую корочку. Они с Рене неотрывно смотрели друг другу в глаза, не отваживаясь заговорить.

– Что тут происходит? – загремел голос Альби, которая ворвалась в круг света словно разъяренный медведь. – Что тебе здесь надо? – напустилась она на Рене.

Девушка вскочила на ноги.

– Я только...

– Я не приглашала тебя к своему костру, – рявкнула Альби. – Больше сюда не приходи.

Пэллок, даже не подумав заступиться за Рене, лежал на земле, словно придавленный каменной глыбой, и молчал. Рене умоляюще взглянула на него.

– Извини, – промямлила она.

– Вон! – завопила Альби.

Кивнув, Рене попятилась, затем повернулась спиной к Альби и убежала. Альби обернулась к сыну.

– Ах ты ж... – прошипела она.

– Мы только... – успел сказать Пэллок, когда мать пнула его ногой в живот.

– Ты дурак! Урса выбрали старшим ловчим! Почему, я тебя спрашиваю?

Пэллок беззвучно шевельнул губами.

– Ну... – наконец выдавил он, потирая ушибленное место.

– Ты должен был выводить охотников на охоту, давать им указания, словно ты уже ловчий, а ты расхаживал дурак дураком, да еще приговаривал, как ты «доволен» Урсом! «Когда-нибудь ты станешь главным, Урс»! Смотри, до чего ты договорился!

– Это все из-за его женитьбы на Белле, – ответил Пэллок, не скрывая своего возмущения. Так решил совет женщин, а мать никак этому не помешала.

– Думаешь, я сама не знаю?

– Ну, так сделай что-нибудь, – сказал Пэллок. – Скажи им, что Белла может выйти только за меня. Тогда ее братья встанут на мою сторону, и меня изберут старшим ловчим.

– «Ее братья встанут на мою сторону», – передразнила сына Альби. – Думаешь, теперь я могу помешать ловчему? Сделанного не воротишь.

– Почему Харди не сделал ловчим меня? – заныл Пэллок, не в силах поверить, что желанная цель уплыла из-под носа.

Альби едва удержалась, чтобы не пнуть сына еще раз.

– Ты глуп, как пень, – заявила она.

Пэллок с мрачным видом откусил кусок остывшей оленины. Альби выхватила ветку из его рук и, презрительно зыркнув, сама вонзила зубы в мясо.

– Ладно, – наконец пробубнила она с набитым ртом, – я кое-что придумала.

– Правда? – вскинулся Пэллок.

– Кажется, я знаю, как исправить то, что ты натворил, – сказала Альби, поедая последний кусок мяса.

* * *

Сайлекс заметил, что в последнее время некоторые племена перестали кочевать с места на место. Речной клан поселился в пещерах к северу от реки и зимовал там. Сородичи, хотя и продолжали вести кочевой образ жизни, но проводили все лето в поселении на каменистом берегу ручья, а с наступлением холодов отбывали на зимнюю стоянку, расположенную где-то к югу. Человекообразные существа, прозванные Робкими, кочевали небольшими группами, избегая контактов с другими племенами. Вся речная долина считалась землей Орды; возможно, и Орда, если зима выдавалась особенно суровой, уходила на юг, вниз по течению реки. Как и другие племена, Волколуды всеми силами избегали встречаться с Ордой, поэтому никто не знал наверняка, когда и где они зимуют.

Сайлекс не задумывался о том, как живут другие. Его люди без устали следовали за волчьей стаей, которая приводила в места, богатые дичью. Основная группа охотников во главе с Сайлексом бежала по пятам стаи, а женщины и дети в сопровождении нескольких вооруженных мужчин брели позади.

Охота была удачной. Мужчины, взвалив на себя туши убитых оленей, возвращались на стоянку, до которой оставалось день-два пути. Вечером они сделали привал, развели костер,

зажарили часть добычи и устроили пиршество. Ночь обещала быть необычайно теплой. Сайлекс поднял глаза и в сгустившихся сумерках разглядел Дуро, сидящего по ту сторону костра. На лице здоровяка читались все терзавшие его чувства.

Сейчас Дуро огласит свои притязания.

Дуро откашлялся, и остальные охотники вопросительно повернулись к нему.

– Послушайте, что я скажу, – натянутым голосом объявил Дуро.

Мужчины переглянулись.

– Говори, – осторожно сказал Бракх, лучший друг Сайлекса.

Дуро поджал толстые губы.

– Самый крупный волк берет себе самую крупную волчицу. Таков закон стаи, – напыщенно заявил он.

Мужчины опешили. Дуро сердито оглядел сидящих вокруг костра, ожидая, когда до них дойдет смысл его слов.

– Вообще-то, бывают исключения, – заметил Бракх. – Порой ни вожак, ни его волчица не отличаются крупными размерами.

– Чаще все так, как я сказал, – настаивал Дуро.

– Может быть, – согласился Бракх. – Но я твердо уверен, что иногда волки следуют за самым умным. Помнишь, Сайлекс, как мы видели ту волчицу с белой отметиной на лице?

– Я говорю о законе стаи! – гаркнул Дуро.

В наступившей тишине мужчины молча уставились на языки пламени, безразличные к тому, что, казалось, так сильно тревожит Дуро.

– Наверное, чаще всего действительно бывает так, как сказал Дуро, – негромко произнес Сайлекс.

Все закивали, обрадованные тем, что спор, видимо, разрешился.

– Я сильнее всех вас. Я старше Сайлекса. Ови – крепкая, здоровая женщина, которая родит много детей, – заявил Дуро.

Охотники смотрели на него в полном недоумении.

– Дуро считает, – откашлявшись, начал Сайлекс, – что после смерти моего отца нам не обязательно исполнять его волю. Возможно, отчасти Дуро прав.

Его слова встревожили всех, кроме Дуро.

– Я самый сильный. Я должен быть вожаком, – провозгласил Дуро и вызывающе ухмыльнулся, готовый сразиться с любым, кто осмелится оспорить его слова.

Мужчина, сидевший слева от Бракха, обернулся и шепнул:

– Волк.

Охотники, все как один, повернули головы. Там, где круг света, отбрасываемый пламенем костра, переходил в ночную тень, застыла огромная волчица, неотрывно глядя на охотников блестящими желтыми глазами.

Сайлекс вскочил на ноги, дав знак остальным не сходить с места.

– Сидите тихо, – велел он и отошел от костра.

– Ты умираешь с голоду, – сказал он, обращаясь к волчице. Она страшно отошала, сквозь обвисшую кожу на боках просвечивали ребра. Очевидно, ей пришлось нелегко. Сайлекс присмотрелся: меж глаз зверя виднелась белая отметина в виде ладони. Ошибки быть не могло: это та самая волчица, которая приняла его подношение в начале лета.

– Где твоя стая? Тебе слишком рано охотиться одной, – продолжал Сайлекс.

Он взглянул через плечо на соплеменников, оцепеневших от священного ужаса.

– Она голодает. Она слишком молода и неопытна, чтобы охотиться, – объяснил он и решительно поднял с земли оленью ногу. Дуро в замешательстве следил за его действиями. Остальные охотники смотрели во все глаза, затаив дыхание.

– На, возьми, – сказал Сайлекс, подходя ближе. Волчица насторожилась, наострив уши. – Все хорошо. Это тебе.

Волчица обнажила клыки. Сайлекс замер на месте, не отводя взгляда от следящих за ним желтых глаз. Он размахнулся, и оковалок полетел прямо на волчицу, которая сжалась и испуганно отпрыгнула в сторону.

Мужчины у костра, очнувшись, разом заговорили, но Сайлекс, не оборачиваясь, резко рубанул ладонью воздух, велел им замолчать.

Волчица замерла в двадцати шагах от него, предостерегающе раскрыв пасть.

Когда она неуверенно сделала шаг вперед, Сайлекс ободряюще закивал.

– Да, это тебе, – повторил он.

Глядя человеку в глаза, волчица нерешительно сомкнула челюсти вокруг оленьей кости, готовая в любой момент броситься наутек. Но потом, когда ее зубы впились в мясо, она бросила на Сайлекса открытый, можно сказать, оценивающий взгляд и скрылась между деревьев, волоча за собой добычу.

Сайлекс очнулся и несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в руках. С напускным безразличием он направился обратно к костру, усиленно не замечая обращенных на него восторженных взглядов. Сегодняшняя ночь войдет в предания.

– Дуро, так о чем мы говорили? – беззаботно спросил Сайлекс.

Одного взгляда на оскал Дуро было достаточно, чтобы Сайлекс понял: в следующий раз его противник воспользуется другими методами убеждения.

12

Год девятнадцатый

Волчица слышала, как человек выбрался из пещеры через расщелину, которая вела наверх, к небу. От него пахло сурком, съеденным на днях. Ей в нос ударил крепкий запах дыма, и без того всегда витавший в воздухе: это человек, вскарабкиваясь, неосторожно ступил ногой в остывший костер, подняв тучу пепла.

Волчица настолько свыклась с его запахами, что легко заснула вновь, однако, заслышав оглушительный крик, распахнула глаза.

– Беги! Там волк! Спасайся! – послышалось снаружи.

Волчица оцепенела и оцетинилась.

– Нет! – раздался отчаянный вопль.

Волчица лежала, не шевелясь, и настороженно прислушивалась к долетавшим до нее звукам, не понимая, что происходит.

Год первый

Альби решительным шагом подошла к Урсу, тяжело стуча посохом о землю. При виде старухи у Урса свело живот, как будто он наелся тухлятины. Чего ей надо? Он с трудом подавил желание сбежать на мужскую сторону лагеря.

– Приветствую тебя, старший ловчий, – сказала Альби.

Урс сдержанно кивнул.

– Воздух стал суше. Наступают холода. Нужно отправляться на зимнюю стоянку, пока не пошел снег. В этом году он не заставит себя долго ждать. У нас осталось столько дней, сколько пальцев на одной руке.

Урс пришел в недоумение. Он-то считал, что решение о переходе на зимнюю стоянку целиком и полностью зависит от женщин; мужчины безотчетно понимали, что если женщины не готовы сняться с места, то никакая сила не сможет их расшевелить. Женщины сами начинали готовиться к кочевью, они же тащили на себе детей, звериные шкуры, а также сушеные ягоды и коренья. Мужчины несли оружие. Однако такое важное решение, как переход на зимнюю стоянку, очевидно, следует принимать сообща. Урс еще не освоился в роли ловчего, и ему предстояло многому научиться.

– Ты права, – нехотя признал он.

– Так что ты решил, ловчий? – спросила Альби, искоса глядя на него.

На другом конце лагеря появились Калли и Белла. Они шли рука об руку, не отрывая глаз от Урса. Внезапно вопрос Альби приобрел двусмысленный характер. От того, что ответит Урс, зависела его судьба. Не в силах бороться с собой, Урс отвернулся от девушек как раз в тот момент, когда ему с улыбкой помахала Белла.

– Пора отправляться на охоту, – решительно сказал Урс. – Выходим завтра.

Скорее в лес, прочь из лагеря, прочь от Сородичей, чтобы спокойно обо всем подумать. «Что ты решил?»

Год девятнадцатый

Жена Гуа должна была вот-вот разродиться, а дети были слишком малы, чтобы охотиться. Гуа пошел на поиски добычи один, без жены и ее братьев, и сейчас пробирался по роще вдоль ручья, готовясь метнуть копьё в цель: крупного олененка, отбившегося от матери, который, ничего не подозревая, мирно щипал свежую весеннюю поросль.

Внезапно Гуа ощутил на себе чей-то взгляд и поднял глаза. Вдалеке, на вершине невысокого утеса, стоял человек, – один из тех, кого Гуа и его соплеменники называли Рать.

Странный то был народ: сплошь невысокие, ни на кого не похожие существа, жившие большими группами. Сам Гуа жил обособленно со своей семьей и родичами и редко общался с себе подобными. Гуа никогда раньше не видел, чтобы человек из Рати был совсем один. Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

Одиноким человеком вдалеке не представлял опасности, и Гуа продолжил охоту. Прячась в высокой траве, он подкрался к олененку и что было силы метнул копье, умудрившись одновременно подхватить с земли камень. Олененок не успел сдвинуться с места, как каменный наконечник вонзился ему в шею. Животное отскочило в сторону, но убежать не успело: Гуа накинулся на него, изо всех сил колотя камнем по голове. Олененок метался из стороны в сторону, пытаясь сбросить охотника, однако Гуа вцепился в него мертвой хваткой. Рана на шее обильно кровоточила, и наконец тяжелые удары камня оглушили животное. Олененок проволочил Гуа еще шагов двадцать, затем ноги его подкосились, и он вместе с человеком повалился на землю.

Когда животное выдохлось, Гуа вскочил, выдернул копье и прикончил добычу.

Гуа стоял над убитым олененком, потирая плечо. Упав на землю под его тяжестью, он ощутил острую боль, и теперь правая рука двигалась тяжело и неуклюже, как будто внутри что-то мешало. И все-таки сегодня его семья не будет голодать.

Отдышавшись, Гуа схватил тушу за задние ноги и потащил ее к своей стоянке. Он отошел всего на несколько шагов, когда услышал какой-то шум.

Гуа совсем забыл про человека на вершине утеса. Он поднял взгляд. Тот человек стоял на прежнем месте, но теперь он лихорадочно размахивал руками и что-то неразборчиво кричал.

— Беги! Там волк! Спасайся! — еле слышно долетело до Гуа.

Рать не знала языка Гуа, и он не понял ничего из того, что кричал ему этот странный человек. И все-таки он встревожился. Мало того, что незнакомец был совсем один, — он еще и пытался что-то сказать Гуа, а это и вовсе было неслыханным делом. Может, он злился на Гуа за то, что тот охотился вблизи его земли? Наверное, этот человек живет среди тех камней. Надо быть осторожней — от Рати всего можно ожидать.

Гуа в нерешительности застыл на месте, человек на утесе продолжал вопить. Вдруг Гуа заметил уголком глаза какое-то движение. Он обернулся и обмер.

На него надвигались шестеро волков, бегущих рысцой. Обезумев от страха и ярости, Гуа сжал древко копья и заревел во все горло, обнажив зубы. Он был в замешательстве, не решаясь бросить добычу, от которой зависела жизнь его семьи. Волки тем временем подобрались ближе, и когда Гуа решил спастись бегством, окружили его плотным кольцом.

Из-за больного плеча копье Гуа ушло в сторону, и ему не удалось поразить ни одного хищника. Волки накнулись на него со всех сторон. Он отбивался как лев, но врагов было больше. Мощные челюсти рвали кожу и перекусывали кости, и вскоре вопли Гуа стихли.

Перед тем как потерять сознание, он подумал: может, одинокий человек на краю утеса пытался предупредить о приближении волков?

Год первый

Уходя на юг, Сородичи держались берегов знакомого ручья, который считали «своим», однако редко шли одним и тем же путем, поскольку во время кочевья выслеживали стада оленей, тоже перемещавшихся к югу. Примерно на середине пути ручей Сородичей впадал в полноводную реку, и это был поворотный пункт в их путешествии: здесь заканчивалась их земля.

Река делала крутую излучину и текла по широкой плодородной долине. Туда часто уходили стада лосей и оленей, но Сородичи не могли следовать за ними — там, в долине, начинались земли Орды. Сородичи неслышно двигались по самому краю долины, стараясь

не разбредаться. Матери прижимали младенцев к груди, прикрывая рты детям постарше. Охотники шли кучно, держа копья наготове. Стоило кому-нибудь издать малейший шум, как на него грозно зыркали все члены племени.

Никто не знал, что будет, если их обнаружит Орда. Калли безропотно несла свою ношу, не спуская глаз со спины Урса, который шел во главе племени. Ее переполняла гордость за любимого. И хотя он избегал ее на протяжении всего пути, с Беллой он тоже не разговаривал, о чем Белла в голос сокрушалась.

– По-моему, – сказала Калли подруге несколько дней назад, – Урс готовится принять какое-то важное решение, потому и не желает ни с кем разговаривать.

– Самое важное решение уже принято, – важно ответила Белла.

Ее братья замыкали шествие, что среди Сородичей считалось почетным, хотя и чрезвычайно трудным делом, поскольку замыкающим приходилось идти спиной вперед, и некоторые, особенно Вент, то и дело спотыкались. На третий день после того, как они миновали излом реки, Вент оступился и рухнул навзничь. Глядя на него, Никс, старший брат Беллы, затрясся от смеха, заткнув себе рот кулаком. Вскоре прыснули и остальные братья, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться во все горло, и, наконец, хохот поднялся со всех сторон. Всем было известно, что Орда никогда не заходит так далеко на юг.

Сородичи миновали опасный участок пути, и напряжение рассеялось.

Белла влетела в объятия Урса, и он обвил ее руками. Калли, раскинув руки, подошла к ним и обнялась сначала с Беллой, затем с Урсом, а затем чуть ли не с каждым из Сородичей, но руки ее хранили воспоминание о стройном и крепком теле Урса.

В ту ночь Пекс, отец Беллы, пригласил Урса к своему костру. Благодаря удачной охоте у Сородичей было вдоволь свежей оленины, и племя радовалось, что счастливо удалось избежать встречи с Ордой.

Калли с матерью готовили еду для вдов и сирот, которых больше некому было кормить. За спиной Калли поднялся одобрительный хохот. Девушка обернулась: Урс целовался с Беллой. По крайней мере, Белла целовала его, встав на четвереньки и подавшись далеко вперед. Калли показалось, что Урсу просто некуда было деваться. Однако поцелуй затянулся, братья Беллы шумно ликовали, а сам Урс не спешил отрываться от запрокинутого к нему лица Беллы.

Калли судорожно вздохнула, не осознавая, что плачет.

– Забудь о нем, – пробормотала Коко, подойдя к дочери.

Калли обернулась: мать смотрела на нее с такой жалостью и сочувствием, что Калли заплакала еще безутешней.

– Он обещан Белле. Все решено, – сказала Коко.

– Он был обещан мне, – запальчиво поправила ее Калли.

В этот момент Урс оторвался от губ Беллы и посмотрел своей невесте в лицо. Его глаза сияли. Сколько раз Калли ловила на себе этот взгляд!.. Урс потянулся к Белле и снова поцеловал ее под раскатистый хохот и улюлюканье братьев. Наконец Адор, мать Беллы, доброжелательно отстранила Урса от дочери, шутливо грозя ему пальцем – мол, подожди до свадьбы.

Коко обняла дочь за плечи.

– Неужели ты думала, что вам никто не указ? Так нельзя.

– Почему нельзя? – сквозь зубы процедила Калли. – Что в этом плохого?

– Просто нельзя – и все.

Калли обернулась: Урс и Белла вновь слились в поцелуе.

Год девятнадцатый

Волчица не видела щенков, но ощущала их присутствие. Еще слепые волчата уже достаточно окрепли, чтобы исследовать пещеру, чем они и занимались с большой охотой, изредка попискивая, когда наталкивались друг на друга.

Заслышав громкий звук – это человек, вернувшись в пещеру, спрыгнул на каменный пол, – волчата отпрянули, однако, почуяв знакомый запах, успокоились. Человек по очереди обласкал их, и волчица ощутила, как радуются щенки. В человеке чувствовалось какое-то напряжение, и пахло от него по-другому. Волчица завиляла хвостом в знак приветствия, прижав уши к голове.

– Я только что видел Робкого. Это такие странные люди, которые похожи на людей, но не совсем люди. Они умеют говорить, но лепечут что-то неразборчивое. – Человек шумно вздохнул. – Робкий охотился в одиночку, выследил стадо оленей, ранил одного, потом запрыгнул ему на спину и добил камнем. Один, сам, безо всякой помощи.

Волчица моргнула. Теперь она видела человека яснее: он взял на руки одного из волчат – самочку, самую крупную в помете. Щенку было так уютно в его ладонях, что он задремал.

– Я бы никогда так не смог. Я гораздо слабее и плохо бегаю. А потом... потом его окружили волки. Я видел, как они приближались, и пытался его предупредить. Он меня не понял и погиб как герой – так отважно сражался. Но это было чудовищно.

Человек содрогнулся.

– Нельзя забывать, кем вы станете. Надо смотреть правде в глаза. Люди убивают зверей, а волки – людей. Так было, и так будет. Я не хочу погибнуть, как этот Робкий.

13

Год первый

Следующим важным этапом во время кочевья Сородичей было их прибытие в стойбище Бледноликих. Племя Бледноликих, расположившееся на берегу огромного озера, вело оседлый образ жизни. Как и Речной клан, Бледноликие ловили рыбу сетями, а также охотились на дичь, которая в изобилии водилась в близлежащих долинах.

Внешне Бледноликие сильно отличались от Сородичей. У них были светлые глаза, а кожа и волосы отливали желтым. Всякий раз, когда их спрашивали, почему они так не похожи на другие племена, Бледноликие только пожимали плечами. Сородичи отмечали большое сходство Бледноликих с Альби и Пэллоком, но и этого никто не мог объяснить. Кроме того, у некоторых детей Бледноликих были обычные темные глаза и смуглая кожа, что тоже оставалось для всех загадкой.

Урс, по праву старшего ловчего, преподнес Бледноликим оленину, а они, в свою очередь, одарили Сородичей рыбой, к которой те были непривычны, поскольку питались ею только во время кочевья, на стоянке Бледноликих. Откровенно говоря, Сородичи рыбу не любили, хотя находились и те, кому она пришлась по вкусу. Кроме того, Бледноликие питались зеленой травой из озера – Сородичи находили ее слишком горькой – и охотились на водоплавающих птиц.

Давным-давно, еще до рождения Альби, ее мать сломала ногу во время перехода на южную стоянку и осталась у Бледноликих, которые ухаживали за ней всю зиму. Муж матери Альби ушел с остальными Сородичами. Весной, когда нога срослась, женщина пустилась в обратный путь вместе со своим племенем. Вскоре после возвращения Сородичей на летнее становище родилась Альби. Поговаривали, что девочка родилась светловолосой и белокожей оттого, что ее мать всю зиму питалась одной рыбой. Когда пришло время давать ребенку имя, самая старая женщина в роду назвала ее Альбина Паллус, что значит «белее белого». Такого имени среди Сородичей не было ни у кого.

Никто не знал, почему Сородичи всегда останавливались в лагере Бледноликих, тем более что для этого приходилось делать приличный крюк. Никто не знал, почему Сородичи и Бледноликие приветствовали друг друга, как добрые друзья, и одаряли друг друга пищей. Племена, обитавшие на равнинах, избегали контактов между собой, но с Бледноликими все было иначе: их дети и дети Сородичей весело играли друг с другом, мужчины соревновались в метании копья, а женщины нахваливали младенцев. Сородичам особенно нравились перламутровые ракушки, которые Бледноликие предлагали им в обмен на мясо, медвежьи зубы и прочий скарб. Хрупкие изящные ракушки высоко ценились среди членов обоих племен. Бледноликие, как женщины, так и мужчины, вплетали их в волосы, что еще больше отличало этих странных людей от остальных.

После разговора с матерью Калли замкнулась в себе и, сидя в отдалении, мрачно наблюдала за тем, как члены обоих племен шумно общаются друг с другом.

Она пришла к выводу, что Бледноликие не догадываются, как странно они выглядят по сравнению с остальными, потому что никогда не задумывались об этом, живя в окружении себе подобных да изредка глядя на свое отражение в стоячей воде. Из всех Сородичей лишь Белла часами могла любоваться своим отражением. В свою очередь, Бледноликие, хотя среди них почти не было кареглазых, считали себя совершенно нормальными людьми и дивились на смуглую кожу и темные волосы Сородичей.

Калли подумала, что ей хорошо удастся подмечать необычные детали. Ее наблюдения могли бы пригодиться ловчему, стань она его женой.

Увы, теперь этому не бывать.

* * *

Волколюди радостно приветствовали охотников, вернувшихся в лагерь, разбитый на восточном берегу реки. Здесь они были в безопасности: Речной клан остался далеко на севере, а Сородичи не осмеливались заходить дальше западного берега. Тем не менее Сайлекс отправил в долину сторожевых, чтобы вовремя узнать о приближении Орды.

Женатые мужчины поспешили к семьям, остальные пустились расписывать небывалую встречу Сайлекса с волчицей. По рассказам охотников выходило, что волчица была ничуть не меньше медведя и внимала каждому слову Сайлекса.

Фиа, красивая девушка годом младше Сайлекса, внимательно слушала, как Бракх излагает свою версию событий. Все члены племени восторженно глядели на вожака, а тот не спускал глаз с Фиа, которая, заметив это, приняла серьезный, почти надменный вид и нарочно отвела взгляд.

– С волчицей был спутник, но они слишком молоды и не умеют охотиться. Боюсь, зиму им не пережить, – сказал Сайлекс, всем сердцем желая, чтобы Фиа подняла на него глаза.

Кроме оленины, добытой охотниками, у племени были обильные запасы ягод и кедровых орехов, собранных женщинами. В подражание своим покровителям Волколюди торжественно преподнесли первый кусок оленины вожакам – Сайлексу и его невесте, Ови.

Вскоре Сайлекс остался с ней один на один. Дуро прав, размышлял он, глядя на невесту: у Ови высокая грудь и широкие бедра, что было несвойственно женщинам их племени. Возможно, пышные формы Ови частично объяснялись тем, что ей не приходилось голодать, как другим женщинам, стоящим ниже ее. Она была недурна собой, но горестно опущенные уголки рта, на взгляд Сайлекса, сводили на нет всю ее привлекательность.

На губах Фиа обычно играла легкая полуулыбка, а летом ее кожа как будто светилась изнутри, словно вбирая солнечное тепло и потом отдавая его, как камень у костра. Гибкая и стройная, она совсем не походила на будущую жену Сайлекса.

– Ови, как хорошо, что я увиделся с тобой. Завтра или через день я снова выведу мужчин на охоту, – сказал Сайлекс.

– Зима близко, – вздохнула Ови. – Грядут холода.

– Да, это так, – согласился Сайлекс. Он пытался словить ее взгляд, но Ови не смотрела на него. – Ови...

– Что?

– Во время охоты Дуро бросил мне вызов. Он считает, что должен стать вожаком, потому что сильнее меня.

– Он не прав, – просто ответила Ови.

– Согласен. Дуро полагает, что меня можно сместить, потому что наш отец мертв.

– Он ошибается.

– Еще Дуро хочет взять тебя в жены.

Сайлекс и сам не знал, какого ответа ждал от сестры. Ови молча повела плечами.

– Что ты об этом думаешь?

– Что я думаю? – Ови отвела глаза, словно ответ скрывался где-то на горизонте. – Я должна стать твоей женой, – с отсутствующим видом произнесла она.

– Кажется, эта мысль тебя не радует, – язвительно заметил Сайлекс, хотя догадывался, что Ови совершенно все равно.

– Чему быть, того не миновать, – ответила она.

– Ови, а если я погибну на охоте? – продолжал Сайлекс, с усилием подавив желание наорать на сестру. – За кого ты пойдешь?

Сайлексу показалось, что в глазах Ови что-то мелькнуло, какая-то живая искра, но ее ответ был предсказуем:

– Наверное, за того, кто станет вожаком после тебя. Какая разница.

– Значит, ты просто перейдешь к другому мужчине?

– Чему быть, того не миновать, – вздохнула Ови. – Самая крупная самка в стае уходит к вожаку.

Сайлекс выпрямился.

– Мы не волки, Ови. Мы люди, которые подражают им, но мы – не волки. Если ты не хочешь быть моей женой, не нужно себя насиловать.

Ови бросила на него остекленевший взгляд.

– Я никогда не говорила, что не хочу быть твоей женой. Мы оба слышали, что сказал отец перед смертью. Я покорна его воле.

* * *

Зима наступила необычайно рано, и первые морозы застали Сородичей в пути. Кутаясь в шкуры и дрожа от ледяного ветра, племя брело на юг. Люди повязали на ноги лосиные шкуры, чтобы ступать по снегу, а по ночам подкладывали под стопы заячьи шкурки мехом внутрь, чтоб не отморозить пальцы.

На пятый день после похолодания пригрело солнце, и Сородичи воспрянули духом, особенно после того, как мужчины вернулись в стойбище с двумя тушами, управившись с охотой всего за полдня.

Все наперебой твердили, каким талантливым ловчим оказался Урс. Тот с благодарностью принимал поздравления, но втайне чувствовал, что недостоин громких похвал. Он сам не ожидал повстречать оленье стадо – охотники наткнулись на него по чистой случайности. Вообще-то Урс собирался повести мужчин совсем в другом направлении – просто чтобы не молчать в ответ на обращенные к нему вопросительные взгляды. И тогда всем Сородичам пришлось бы голодать, доедая скромные остатки мяса, добытого восемь дней назад.

Урс подозревал, что не годится быть ловчим. Он вспоминал, как хвастался перед Калли, что, стань он во главе охотников, он выслал бы вперед следопытов, хоть это и грозило неожиданной встречей с Ордой. Ведь Сородичи всегда охотились именно так до того, как Харди изменил тактику. И вот теперь, когда Урс был волен поступать по своему усмотрению, он не мог решиться, сомневаясь во всем и во всем подражая Харди. Но Харди знал, как выслеживать дичь, а Урс не знал.

О том, чтобы попросить совета, не могло быть и речи: Урс не разбирал ни единого слова из того, что пытался сказать ему Харди.

Урс задумчиво окинул взглядом расстилающуюся перед ним равнину.

– Марс, – наконец позвал он, махнув рукой.

К нему подбежал старший следопыт (чье полное имя было Марсус – «тот, кто дерется с другими детьми»). Марс, как и все следопыты, носил дубинку вместо копья и бегал едва ли не быстрее остальных охотников. С тех пор как Харди запретил следопытам высматривать дичь, уходя далеко вперед от главного отряда, Марс и его подопечные занимались только тем, что догоняли и добивали подранка. Впрочем, в погоню бросались и остальные, стремясь держаться вместе. Следопыты перестали выделяться среди других охотников, утратив прежний статус. И все-таки Марс ни разу не пожаловался, в отличие от Пэллока, который был недоволен решительно всем.

– Мы ушли далеко от земель Орды. Здесь они до нас не доберутся, – сказал Урс, обращаясь к старшему следопыту.

Марс согласно кивнул, в рассеянности почесывая окладистую черную бороду. У него, как и у Беллы, его сестры, были на удивление густые волосы, правда, такие же перепутанные и нечесанные, как у всех мужчин.

– Отныне следопыты будут идти впереди охотников, высматривая стада, – продолжал Урс.

Марс удовлетворенно ухмыльнулся.

– Тебе хотелось, чтобы все было как прежде, но ты не решился ко мне обратиться, – догадался Урс.

Марс обрадованно закивал.

Крик Пэллока прервал их разговор.

– Вперед! – завопил старший копейщик.

Урс обернулся: едва ли не все охотники с копьями наперевес бросились бежать туда, куда указывал Пэллок. На месте остался только Валид, старый друг Урса.

– Что происходит? – ошарашенно спросил его Урс.

– Волки, – ответил Валид.

– Что? – не понял Урс. – Что значит «волки»?

Валид развел руками.

– Пара молодых волков, там, впереди. Пэллок собрал охотников и повел их на волков. Сказал, что намерен содрать с них шкуры, и пообещал поделиться с тем, кто метнет копье точнее всех.

– Нам не нужны шкуры, – гневно засопел Урс. – У нас нет на это времени. – Он повернулся к Марсу: – Возьми двух самых быстрых мужчин и догони Пэллока. Вели ему повернуть обратно.

Марс кивнул и скрылся с глаз.

– Нам нужна еда. Шкур у нас хоть отбавляй, – горячился Урс.

Валид пожал плечами.

– Скорее всего, они уже прикончили тех волков и скоро вернутся.

– Тогда пусть сами их и едят! – вскипел старший ловчий. – Будет им урок.

Он отвернулся и оглядел холмистую равнину, дожидаясь возвращения охотников с добычей.

14

Волчица и Спутник следовали за стадом оленей, когда до них долетел запах человека, а потом – свежей крови. Это напомнило волчице о ее предыдущих встречах с людьми, и она отправилась на поиски. Спутник бежал позади, неуверенно поглядывая на подругу.

На этот раз от людей пахло по-другому. Волчица видела их впервые. Она с опаской подошла ближе и выжидающе замерла.

Люди сбились в кучу, совсем как олени, а потом с оглушительными криками понеслись прямо на нее. Волчица окаменела от неожиданности, вглядываясь в лица бегущих впереди людей, затем опрометью метнулась к роще, где поджидал ее Спутник.

Им вслед полетели копья. Волчица слышала, как позади нее что-то свистит и с глухим стуком вонзается в землю. Звуки погони гнали волков вперед, и вскоре они с легкостью оторвались от преследователей.

Позже волчица вспоминала лица этих людей. Она чувствовала их ярость, как стая чувствует бессилие старого, немощного лося или вялость истощенного голодом олененка. Перед тем как люди бросились им вслед, волчица поняла, что они совсем не похожи на тех людей, которых знала раньше. Перед ее мысленным взором возникло лицо человека, который предлагал ей пищу: в прищуре его глаз, изгибе губ и бровей было что-то такое, что выделяло его среди других.

Не все люди относились к волкам одинаково. Одни их кормили, другие на них охотились.

* * *

Хотя Сородичи называли свое зимнее стойбище «поселением», в действительности они всю зиму продолжали кочевать с одного знакомого места на другое в поисках пищи. Ни одно из зимних становищ не могло сравниться с летним лагерем, где родовые кострища были обложены черными от сажи камнями, где стояли землянки, защищенные от солнца и дождя навесами из костей мамонта и наброшенных на них звериных шкур. Где бы ни останавливались Сородичи, они продолжали делить становища на две части, мужскую и женскую, между которыми оставляли место для общих сходок.

По традиции в зимнем лагере справляли свадьбы, а в летнем – давали детям имена, а также проводили инициации мальчиков, достигших четырнадцати лет, и девочек, у которых начинался месячный цикл.

– Интересно, кто еще будет праздновать свадьбу этой зимой? – допытывалась Белла у Калли.

Калли уклонялась от этих недвусмысленных расспросов, отвечая, что совет женщин еще не собирался. Одобрит ли Альби помолвку Урса и Беллы? Старейшина могла воспротивиться, заявив, что давняя традиция договорных браков превратилась в самый обычный передел власти и что совет обязан положить этому конец. Для Калли это была последняя надежда.

– Урс рассказал мне, как выбрал Пэллока за то, что тот погнался за волками, – доверительно, словно по секрету, шепнула Белла подруге.

– Это и так все знают, – резковато ответила Калли, но Белла пропустила грубость мимо ушей.

– Ну и что, – весело согласилась она. – Зато мне сам Урс рассказал.

Со словами, что ей нужно насобирать мха, Калли встала, и Белла приветливо кивнула ей на прощание. Женщина собиралась «собирать мох», когда у нее начинался регулярный

месячный цикл. Комки мха отлично впитывали кровь; впрочем, катышки из заячьего меха использовались с тем же успехом. Женщине, сообщавшей, что ей нужно «собирать мох», позволяли уединиться. Юношей, не достигших совершеннолетия, это выражение сбивало с толку.

Калли миновала костер, возле которого что-то оживленно обсуждали Альби и Коко. Девушка насторожилась: вид у обеих женщин был крайне озабоченный.

* * *

Тем вечером на ужин у Сородичей было варево из обглоданных костей и горсти кореньев, которые Коко принесла с собой из летнего лагеря. До сих пор не выпало ни капли дождя: зима стояла необычайно сухая.

Подойдя к своему костру, Пэллок увидел мать, сидящую на корточках у огня. Ей где-то удалось раздобыть оленьего жира, и она растапливала его на горячем камне.

Пэллок шумно вздохнул.

– Мать, я хочу с тобой поговорить.

Альби мрачно подняла голову.

– Чего тебе?

Пэллок отвел взгляд, досадуя, что мать всегда видела его насквозь.

– Я о Рене.

– Об этой девке? Я не стану тратить на нее слов.

Пэллок сел рядом с матерью и потянулся к камню, на котором плавился олений жир, но Альби грубо шлепнула его по руке.

– Ты Старейшина и могла бы помочь мне с выбором жены, – осторожно начал Пэллок.

– Могла бы, – ответила Альби.

Пэллок колебался. Он надеялся услышать другой ответ.

– Ведь я твой сын. Если бы я сказал, кто из женщин мне по сердцу, ты могла бы устроить мой брак. Тем более что у этой женщины нет родных, и ее судьбу решает совет.

Альби уставилась в огонь, притворившись, что не слышала. Пэллок тревожно заерзал.

– Послушай...

– Знаю я, чем ты с ней занимался, – прошипела Альби. – Думаешь, ты такой умный, да? Думаешь, я не вижу, как вы прячетесь по углам? Развратник! Вот об этом я и скажу на совете, будь уверен!

Пэллок сглотнул.

– Я не развратник. Я хочу взять ее в жены.

– Твоей женой станет Калли Умбра.

– Что?

– Все уже решено. Я говорила тебе – у меня есть план. Она умна. Женщины прочат ее в Старейшины. Через пять лет я уступлю ей свое место, так я договорилась с ее матерью. Поэтому пока что Калли не представляет для меня опасности. Если она будет твоей женой, власть останется в семье.

– Никакой это не план! План был сделать меня ловчим! – фыркнул Пэллок.

– Ты дурак, что спутался с девкой, у которой ни роду, ни племени. А мог бы взять в жены Беллу. Мне о себе подумать надо. А если ты не видишь, что с этого и тебе будет прок, тогда ты слеп, как Харди.

– Мне не нужна Калли, – огрызнулся Пэллок. – Она меня презирает. Я ее ненавижу.

– Хватит чушь молоть, уши вянут от твоей болтовни! Когда она станет твоей женой, ты научишь ее уважению. Уж с этим-то ты можешь справиться? Если нет, тогда вмешается твоя мать, научит за тебя.

– Я люблю Рене.

– Ну, так и путайся с ней дальше, мне-то что! – проревела в ответ Альби. – Ты ведь и сейчас от нее пришел?

Пэллок потупил взгляд.

– Кому она нужна, сирота? Поступай с ней, как знаешь. А в жены возьмешь Калли. Только так я смогу остаться Старейшиной.

– Всего на пять лет, – насмешливо проронил Пэллок. – А потом мне придется тебя кормить, и вот тогда ты пожалеешь, что не сумела поставить меня на место старшего ловчего.

– Я не собираюсь уходить на покой через пять лет, безмозглая ты гиена! – окрысилась Альби. – Но, выдав за тебя Калли, я пять лет смогу жить спокойно. Теперь понял?

– А я что буду с этого иметь? Ты женишь меня на Калли ради собственной выгоды, – презрительно бросил Пэллок и вскочил на ноги. – Я был на шаг позади Урса, когда он схватился со львом. Если бы я успел добежать, не бывать ему старшим ловчим. Да он и не годится на эту роль – вечно медлит и сомневается, все видят.

– Еще не время идти против него в открытую, – заявила Альби. – Охотники не любят перемен, а у братьев Беллы слишком много влияния. Не понимаю, как этой дуре Адор удалось выходить своих детей, не потеряв ни одного.

Той ночью, дрожа под лосиной шкурой и прислушиваясь к завываниям ветра, который силился погасить пламя костра, Пэллок размышлял над словами матери. Черная ярость переполняла его сердце. А если он сам все устроит? Обойдется и без матери. Старший копейщик без труда улучит минутку наедине с ловчим. Пэллок выждет время, и когда подвернется подходящий момент, нанесет решающий удар.

Он убьет Урса.

15

Рене сидела, наклонившись над полосками кожи, когда перед ее глазами возник посох. Со стороны казалось, будто девушка сосредоточенно сплетает обрывки кожи в веревку, с головой уйдя в работу, чтобы закончить до наступления темноты. Но при ближайшем рассмотрении любой бы заметил, что Рене не столько склонилась над работой, сколько просто поникла головой: глаза ее были закрыты, а пальцы беспорядочно перебирали кожаные обрезки.

Недавно в ее постели лежал Пэллок – а потом встал и грубо заявил, что приходил в последний раз. Когда Рене, оправившись от потрясения, попросила у него объяснений, он поджал губы и ушел прочь, не проронив ни слова.

Девушка сидела, скрестив ноги, мокрые от капающих на них слез. Сквозь пелену на глазах она увидела толстый посох, с глухим стуком уткнувшийся в землю.

Рене, моргнув, подняла голову. Над ней нависла Альби.

– Пойдем со мной, дитя, – сочувственно сказала Старейшина.

Рене кивнула и с трудом поднялась, украдкой вытирая глаза. Посох Альби, толщиной с руку взрослого мужчины, гулко стучал по земле. Женщины вышли из лагеря и направились к пригорку, поросшему высоким густым кустарником.

Альби хранила молчание, никак не объясняя, зачем они покидают лагерь и куда идут. Был ранний вечер, не самое безопасное время для прогулок. Рене не на шутку встревожилась.

Они шли между пологими холмами, оставив лагерь далеко позади.

На укромной полянке, покрытой пожухлой прошлогодней травой, Альби огляделась и удовлетворенно кивнула.

– Я вижу, – начала она, – ты и другие недовольны тем, что совет разрешил матерям выбирать мужа для своих дочерей. Я даже позволила Адор напрямую предложить Урсу взять Беллу в жены, не прося на то благословения совета. Но тебе и этого мало. Ты хочешь, чтобы мужчины и женщины решали каждый сам за себя, да?

– Старейшина... – беспомощно пролепетала Рене, обливаясь слезами.

– Вы с моим сыном хотите пожениться, – бесстрастным тоном продолжала Альби.

Рене с надеждой закивала.

– Значит, ты любишь его.

– Да.

Альби с рассеянным видом теребила седой волос на подбородке. Рене задержала дыхание. Старейшина перевела взгляд на посох и перехватила его посередине, как копье.

– Значит, так, – наконец сказала она и с этими словами двинула Рене в живот посохом. Девушка с криком сложилась пополам. Альби подошла ближе. Посох опустил на голову Рене, и девушка рухнула наземь, упав лицом в грязь.

Рене закричала не своим голосом, перекатилась на бок, втянув голову и поджав колени к подбородку.

– Посмотри на меня, – с ледяным спокойствием промолвила Альби. Рене всхлипывала, зажмурившись и закрыв лицо руками. – Рене, – повторила Альби, – посмотри на меня, прошу.

Рене в замешательстве подняла голову. Посох просвистел в воздухе и влетел в ее окровавленное лицо, выбив передний зуб. Рене истошно завизжала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.